

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. N 5 "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации" "толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 3 - 33). Согласно пункту "b" части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования".

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

В сфере административных правоотношений

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам инвалидов <3>

<3> Комитет ООН по правам инвалидов (далее - Комитет) действует на основании Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. (далее - Конвенция). Российская Федерация является участником указанного международного договора.

Сообщение: Майкл Локри против Австралии. Сообщение N 13/2013. Соображения приняты Комитетом по правам инвалидов (далее - Комитет) 1 апреля 2016 г.

Тема сообщения: участие глухих лиц в составе жюри присяжных.

Вопрос существа: равенство и недискриминация; разумное приспособление; равенство перед законом; свобода выражения мнения; участие в политической жизни.

Правовые позиции Комитета: [о]пределение дискриминации по признаку инвалидности, содержащееся в статье 2 Конвенции, четко указывает, что "она включает все формы дискриминации, в том числе отказ в разумном приспособлении"... Комитет напоминает, что дискриминация может быть следствием дискриминационного применения какого-либо правила или меры, которые на первый взгляд являются нейтральными или не направлены на дискриминацию, но при этом несоразмерно затрагивают интересы инвалида <4>. Помимо этого, в соответствии с пунктом 1 статьи 5 [Конвенции] государства-участники должны обеспечивать равенство всех лиц перед законом и по нему и их право на равную защиту закона и равное пользование им без всякой дискриминации, и в соответствии с пунктом 3 статьи 5 государства-участники обязаны предпринимать все надлежащие шаги к обеспечению разумного приспособления для поощрения равенства и устранения дискриминации (пункт 8.3 Соображения).

По состоянию на 1 апреля 2017 г. Российская Федерация не признавала компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

<4> См. сообщение N 10/2013, С.К. против Бразилии, Решение о неприемлемости от 2 октября 2014 г., пункт 6.4.

Комитет напоминает, что согласно статье 2 Конвенции "разумное приспособление" означает внесение, когда это нужно в конкретном случае, необходимых и подходящих модификаций и корректировок, не становящихся несоразмерным или неоправданным бременем, в целях обеспечения реализации или осуществления инвалидами наравне с другими всех прав человека и основных свобод <5>. Комитет считает, что при оценке обоснованности и соразмерности шагов по обеспечению приспособления государства-участники пользуются определенной свободой толкования <6>. Однако они обязаны обеспечивать проведение обстоятельной и объективной оценки с учетом всех имеющих отношение к делу элементов до принятия решения о том, что соответствующая поддержка и адаптивные меры могли бы стать несоразмерным или необоснованным бременем для государства-участника <7> (пункт 8.4 Соображения).

<5> См. сообщение N 5/2011, Юнгелин против Швеции, Соображения от 2 октября 2014 г., пункт 10.4.

<6> Там же, пункт 10.5.

<7> Там же, пункт 10.6.

Комитет напоминает, что, согласно этому положению, государства-участники обязаны принимать надлежащие меры "чтобы наделить инвалидов возможностью вести независимый образ жизни и всесторонне участвовать во всех аспектах жизни"... Комитет отмечает, что выполнение обязанностей члена жюри присяжных является важным аспектом общественной жизни по смыслу пункта 1 статьи 9 [Конвенции] как одно из проявлений гражданской позиции... Комитет также напоминает, что согласно его [3]амечанию общего порядка N 2 (2014 год) по статье 9 [Конвенции]: "доступность", обязательство обеспечивать доступность является безусловным <8>, и что крайне важно подходить к вопросу о

доступности с учетом всех его аспектов, включая вопросы общения. Подобным образом доступ должен эффективно обеспечиваться наравне с другими в соответствии с запретом дискриминации, а отказ в доступе следует считать дискриминационным актом (пункт 8.6 Соображения).

<8> См. пункт 25.

Комитет напоминает, что согласно пункту b) статьи 21 Конвенции государства-участники принимают все надлежащие меры для обеспечения того, чтобы инвалиды могли пользоваться правом на свободу выражения мнения и убеждений, включая свободу искать, получать и распространять информацию и идеи наравне с другими, пользуясь по своему выбору всеми формами общения, на основе признания и поощрения использования различных средств и форматов общения в рамках официальных сношений. Комитет... напоминает, что согласно статье 2 Конвенции, "общение" включает языки и альтернативные методы, способы и форматы общения, в число которых, разумеется, входит субтитрование (пункт 8.8 Соображения).

Комитет напоминает, что согласно статье 13 [Конвенции] государства-участники обязаны обеспечивать эффективный доступ к правосудию инвалидов наравне с другими в целях содействия выполнению ими эффективной роли "прямых и косвенных участников во всех стадиях юридического процесса", в том числе путем обеспечения процессуальных и соответствующих возрасту коррективов... Комитет... напоминает, что пункт b) статьи 29 [Конвенции] требует от государств активно способствовать созданию обстановки, в которой инвалиды могли бы эффективно и всесторонне участвовать в управлении государственными делами без дискриминации и наравне с другими, и поощрять их участие в государственных делах. В этой связи следует уделять внимание участию инвалидов в деятельности системы правосудия не только в качестве истцов, жертв или обвиняемых, но и, в том числе, в форме выполнения обязанностей члена жюри присяжных наравне с другими (пункт 8.9 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению жалобу автора на то, что отказ предоставить ему услуги по субтитрованию, с помощью которого он мог бы выполнять обязанности члена жюри присяжных, является дискриминационным, поскольку он равнозначен отказу в обеспечении разумного приспособления в нарушение пунктов 1 и 3 статьи 5 Конвенции. Комитет также принимает во внимание утверждение государства-участника об отсутствии какого-либо нарушения прав автора по статье 5 [Конвенции], поскольку применимое национальное законодательство не является дискриминационным, а предусмотренное Законом о жюри присяжных дифференцированное обращение законно. Государство-участник... заявляет, что его законодательство и политика обеспечивают разумное приспособление в соответствии с требованиями Конвенции (пункт 8.2 Соображения).

[A]втор был трижды вызван повесткой для выполнения обязанностей члена жюри присяжных, в том числе два раза после того, как он сообщил, что хотел бы участвовать в процессе отбора и что при этом он будет нуждаться в субтитровании. Комитет... отмечает, что, отказывая автору в просьбе о предоставлении услуг по субтитрованию, шериф порекомендовала ему представить медицинское заключение о том, что он страдает глухотой, и сообщила, что в противном случае ему грозит штраф в размере 1 100 долл. США за неисполнение обязанности выполнять функции члена жюри присяжных. Кроме того, Управление шерифа прямо проинформировало автора о том, что он не может выполнять обязанности члена жюри присяжных в силу того, что является глухим, и при этом мотивировало свой отказ обеспечить субтитрование разделом 48 Закона о жюри присяжных 1977 года, считая, что нахождение в совещательной комнате лица, не являющегося членом жюри присяжных, будет несовместимо с принципом конфиденциальности обсуждений в жюри присяжных (пункт 8.3 Соображения).

В настоящем случае Комитет отмечает, что предоставленные государством-участником услуги коррективного характера для поддержки лиц с расстройствами слуха не позволили бы автору участвовать в работе жюри присяжных наравне с другими. Он также отмечает, что вопреки утверждениям государства-участника о том, что привлечение стенографов повлияло бы на сложность, стоимость и продолжительность судебных процессов, оно не представило никаких данных или аналитических выкладок в подтверждение того, что это явилось бы несоразмерным или необоснованным бременем. К тому же, хотя принцип конфиденциальности совещаний жюри присяжных безусловно подлежит соблюдению, государство-участник не представило аргументов в обоснование невозможности принятия каких-либо коррективных мер, в частности приведения присяжных к присяге перед судом, чтобы позволить лицу, оказывающему услуги по субтитрованию, выполнять свои функции, не ставя под угрозу конфиденциальность совещаний в жюри присяжных.

Комитет в заключение отмечает, что субтитрование не является каким-либо новшеством и что некоторые судьи и адвокаты с расстройствами слуха действительно выполняют свои повседневные функции с помощью таких устройств <9>. Исходя из имеющейся информации, Комитет считает, что государство-участник не приняло необходимых мер для обеспечения для автора разумного приспособления, и приходит к выводу о том, что отказ в предоставлении услуг по субтитрованию без надлежащей оценки вопроса о том, будет ли такая мера представлять собой несоразмерное или необоснованное бремя, равнозначен дискриминации по признаку инвалидности в нарушение прав автора по пунктам 1 и 3 статьи 5 Конвенции (пункт 8.5 Соображения).

В данном случае, отказавшись предоставить услуги по субтитрованию, государство-участник не приняло надлежащих мер для того, чтобы позволить автору выполнять обязанности члена жюри присяжных, и тем самым воспрепятствовало его участию в одном из очевидных "аспектов жизни" в нарушение его прав по пункту 1 статьи 9 [Конвенции], рассматриваемому отдельно или в совокупности со статьями 2 и 4 и с пунктами 1 и 3 статьи 5 Конвенции (пункт 8.6 Соображения).

Относительно жалобы автора по статье 21 Конвенции Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что в настоящем случае штат Новый Южный Уэльс выполнил положение о "признании и поощрении использования жестовых языков" и других средств общения и что обязательства по статье 21 [Конвенции] будут выполняться поэтапно. Комитет также отмечает мнение автора о том, что статья 21 [Конвенции] не содержит прав и обязательств, которые должны выполняться поэтапно, и что меры, которые, как утверждает государство-участник, оно приняло в плане создания глухим лицам возможностей для участия в работе жюри присяжных, не были адаптированы к его потребностям (пункт 8.7 Соображения).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что присяжный заседатель является лицом, которое несет публичную ответственность за отправление правосудия "в рамках взаимодействия с другими лицами", включая других членов жюри присяжных и судебных чиновников, и что такое взаимодействие поэтому представляет собой "официальные сношения" по смыслу статьи 21 [Конвенции]. В свете вышесказанного Комитет считает, что отказ в предоставлении автору такого формата общения, в котором он нуждается для выполнения им обязанностей члена жюри присяжных, и для выражения им таким образом своего мнения в рамках официальных сношений, равнозначен нарушению пункта b) статьи 21 [Конвенции], рассматриваемого отдельно и в совокупности со статьями 2, 4 и пунктами 1 и 3 статьи 5 Конвенции (пункт 8.8 Соображения).

По поводу жалоб автора по пункту 1 статьи 13 и статье 29 Конвенции Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что эта жалоба не имеет под собой оснований, поскольку оно считает, что под "эффективным доступом к правосудию" имеется в виду доступность системы правосудия и что термин "прямые" и "косвенные" участники не распространяется на присяжных заседателей. Государство-участник также утверждает, что положение о "разумном приспособлении" не применимо к статье 13 [Конвенции]. В свою очередь автор заявляет, что выражение "прямые и косвенные участники" касается лиц, принимающих участие в деятельности системы правосудия, и что обязательство по статье 5 [Конвенции] предоставлять "разумные приспособления" применимо к осуществлению этих прав... Комитет отмечает, что выполнение обязанностей члена жюри присяжных является неотъемлемой частью австралийской судебной системы и как таковое представляет собой "участие" в судебных процессах (пункт 8.9 Соображения).

Выводы Комитета государство-участник не выполнило свои обязательства по пунктам 1 и 3 статьи 5, пункту 1 статьи 9, пункту 1 статьи 13 [Конвенции], рассматриваемым по отдельности и в совокупности со статьей 3, пунктом 1 статьи 5, пунктом b) статьи 29 и пунктом b) статьи 21 [Конвенции], рассматриваемым по отдельности и в совокупности со статьями 2 и 4, а также пунктами 1 и 3 статьи 5 Конвенции (пункт 9 Соображения).

<10> Комитет по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее - Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

Сообщение: Аманда Джейн Меллет против Ирландии. Сообщение N 2324/2013. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее - Комитет) 31 марта 2016 г.

Вопрос существа: жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение; право на неприкосновенность личной жизни; право на получение информации; гендерная дискриминация.

Правовые позиции Комитета: как указывается в пункте 3... [3]амечания общего порядка N 20 <11>, текст статьи 7 [Пакта] не допускает никаких ограничений и что никакие оправдания или смягчающие обстоятельства не могут приводиться в качестве основания для нарушения статьи 7 по каким-либо причинам (пункт 7.6 Соображения).

<11> Комитета по правам человека.

Комитет напоминает свой ранее принятый вывод о том, что под действие этого положения [статьи 17 Пакта] подпадает решение женщины просить о прерывании беременности <12> (пункт 7.7 Соображения).

<12> См. К.Л. против Перу, пункт 6.4, Л.М.Р. против Аргентины, Соображения от 29 марта 2011 г., пункт 9.3. См. также Замечание общего порядка Комитета N 28 (2000 год) о равноправии мужчин и женщин, пункт 10.

Комитет напоминает свое [3]амечание общего порядка N 16 (1988 год) о праве на неприкосновенность личной жизни, согласно которому концепция произвольности призвана гарантировать, что даже в случае допустимого по законодательству вмешательства оно должно соответствовать положениям, целям и задачам Пакта и в любом случае должно быть разумным с учетом конкретных обстоятельств (пункт 7.8 Соображения).

В пункте 13 [3]амечания общего порядка N 28 (2000 год) о равноправии мужчин и женщин Комитет указывает, что: "не всякая дифференциация является дискриминацией, если критерии такой дифференциации являются разумными и объективными и если задача заключается в достижении цели, которая является законной по Пакту" (пункт 7.11 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: [а]втор настоящего сообщения была проинформирована государственными медицинскими работниками на 21-й неделе беременности о том, что у ее плода имеются врожденные пороки развития и что он умрет в ее утробе или вскоре после рождения. В результате запрета аборт по ирландскому законодательству она была поставлена перед выбором: либо доносить плод в сознании того, что он вероятнее всего умрет в ее утробе, либо добровольно прервать беременность в какой-либо зарубежной стране. Статья 40.3.3 Конституции Ирландии предусматривает..., что "государство признает право на жизнь нерожденного плода и с должным учетом равного права на жизнь матери гарантирует выполнение своих законов в части уважения и, по практической возможности, своих законов в части защиты и осуществления этого права". Государство-участник утверждает, что его конституционная и законодательная база отражают гибкий и соразмерный подход к осознанным мнениям ирландского электората на глубоко нравственный вопрос о допустимых пределах защиты интересов плода и их сбалансированности с правами женщины <13>. Государство-участник также указывает, что статья 40.3.3 Конституции в толковании его Верховного суда предполагает законность прерывания беременности в Ирландии только при установлении наличия реальной и серьезной опасности для жизни женщины (в отличие от ее здоровья), которую можно избежать только с помощью прерывания беременности (пункт 7.2 Соображения).

<13> На время рассматриваемых событий положения Закона о преступлениях против личности предусматривали уголовное наказание в виде пожизненного тюремного заключения женщины или

врача за попытку прерывания беременности.

Автор утверждает, что стала жертвой жестокого, бесчеловечного и унижающего ее достоинство обращения вследствие законодательного запрета на проведение аборт, поскольку в Ирландии ей было отказано, в частности, в необходимых ей медицинских услугах и психологической поддержке; что она была вынуждена выбирать между продолжением вынашивания умирающего плода и прерыванием беременности за рубежом; и поскольку она стала жертвой усиленной стигматизации. Государство-участник отклоняет утверждение автора, в частности, доводами о том, что упомянутый запрет призван обеспечивать баланс между коллидирующими правами плода и женщины; что ее жизни ничто не угрожало; и что ни одно лицо или представитель государства не были причастны к каким-либо произвольным процессам принятия решений или "нарушениям", которые бы стали причиной жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения либо способствовали этому. Государство-участник также утверждает, что его законодательная база гарантирует права граждан на получение информации об услугах по проведению абортов за рубежом (пункт 7.3 Соображения).

По мнению Комитета, если какое-либо конкретное поведение или действие является законным по внутригосударственному праву, это не означает, что оно не может нарушать статью 7 Пакта. В силу существующей нормативной базы государство-участник создало для автора условия, в которых она испытывала жестокие физические и моральные страдания. Автор как беременная женщина находилась в крайне уязвимом положении после того, как узнала, что ее долгожданная беременность не приведет к рождению живого ребенка и, как это задокументировано, в частности, в представленных Комитету заключениях о ее психологическом состоянии, испытывала жестокие физические и психические страдания, которые усугублялись невозможностью получения от системы здравоохранения Ирландии дальнейшей медицинской помощи и медицинской страховки для продолжения лечения; необходимостью выбора между продолжением беременности нежизнеспособным плодом и выездом в какую-либо страну во время вынашивания умирающего плода за свои личные средства и без поддержки со стороны своей семьи, а также возвращения в страну без полного восстановления своего здоровья; стыдом и стигматизацией, которые были обусловлены уголовным наказанием за аборт нежизнеспособного плода. Многих из описанных автором негативных последствий можно было бы избежать, если бы ей не было запрещено прервать беременность в знакомых для нее условиях собственной страны и при содействии медицинских работников, которых она знала и которым доверяла; и если бы она могла воспользоваться предусмотренными в Ирландии и необходимыми ей льготами в области медицинской помощи, которыми пользовались другие лица, если бы она продолжала вынашивать нежизнеспособный плод в целях рождения мертворожденного ребенка в Ирландии (пункт 7.4 Соображения).

Комитет считает, что страдания автора были еще более усугублены теми препятствиями, с которыми она столкнулась при получении необходимой ей информации о надлежащих возможностях оказания ей медицинской помощи от известных ей медицинских работников, которым она доверяла. Комитет отмечает, что Закон об информации об абортах ограничивает обстоятельства, в которых любое лицо может сообщать информацию о законном получении услуг по проведению абортов в Ирландии либо за рубежом, и предусматривает уголовное наказание за пропаганду или поощрение прерывания беременности. Комитет... принимает к сведению неопровергнутое заявление автора о том, что медицинские работники не предоставили в ее случае таких сведений и что она не получила от них важнейшей информации о применимых ограничениях в отношении проведения абортов за рубежом и о наиболее уместных способах прерывания беременности с учетом ее срока беременности, что помешало получению ею необходимой медицинской и консультативной помощи и усугубило ее страдания (пункт 7.5 Соображения).

Автор утверждает, что, отказав ей в единственной возможности (прерывание беременности в Ирландии), которая обеспечивала бы соблюдение ее психической и психологической неприкосновенности и репродуктивной самостоятельности в обстоятельствах настоящего дела, государство произвольно нарушило ее право на неприкосновенность личной жизни, закрепленное статьей 17 Пакта. Комитет напоминает свой ранее принятый вывод о том, что под действие этого положения [статьи 17 Пакта] подпадает решение женщины просить о прерывании беременности <14>. В настоящем случае государство-участник воспрепятствовало принятию автором решения не продолжать вынашивать нежизнеспособный плод. В данном случае вмешательство было основано на положениях статьи 40.3.3 Конституции и, таким образом, не являлось незаконным по внутреннему законодательству государства-участника. Однако Комитету предстоит решить вопрос о том, было ли такое вмешательство незаконным либо произвольным согласно положениям Пакта. Государство-участник указывает на

отсутствие какой-либо произвольности в принятии решения, поскольку предпринятое вмешательство было соразмерно законным целям Пакта с учетом тщательно выверенного баланса между защитой плода и прав женщины (пункт 7.7 Соображения).

<14> См. К.Л. против Перу, пункт 6.4, Л.М.Р. против Аргентины, Соображения от 29 марта 2011 г., пункт 9.3. См. также Замечание общего порядка Комитета N 28 (2000 год) о равноправии мужчин и женщин, пункт 10.

Комитет считает необоснованным тот баланс, который в настоящем случае государство-участник пыталось установить между защитой плода и правами женщины... Комитет принимает к сведению, что в результате долгожданной беременности автор вынашивала нежизнеспособный плод; что открытые для нее возможности неизбежно становились источником жестоких страданий; что ее выезд за рубеж для прерывания беременности имел для нее значительные негативные последствия, о которых говорится выше и которых можно было бы избежать, если бы ей было позволено прервать беременность в Ирландии; и что вследствие этого ей был причинен вред в нарушение статьи 7. Исходя из этого, Комитет считает, что вмешательство в принятие автором решения об оптимальном способе прерывания своей беременности нежизнеспособным плодом носило необоснованный и произвольный характер в нарушение статьи 17 Пакта (пункт 7.8 Соображения).

Автор утверждает, что криминализация аборт по признакам летальных пороков развития плода нарушала ее права на равенство и недискриминацию согласно пункту 1 статьи 2, статье 3 и статье 26. Государство-участник отвергает эту жалобу и считает, что его правовой режим относительно прерывания беременности не является дискриминационным (пункт 7.9 Соображения).

Комитет отмечает, что согласно правовому режиму государства-участника вынашивающие нежизнеспособный плод женщины, которые, тем не менее, решают донашивать его до полного срока беременности, продолжают пользоваться полной защитой со стороны государственной системы здравоохранения. Их потребности в медицинской помощи по-прежнему покрываются медицинской страховкой, и они продолжают получать медицинские услуги и консультации со стороны работников государственных медицинских учреждений в течение всего периода беременности. После выкидыша или рождения мертвого ребенка они получают полную необходимую им постнатальную медицинскую помощь и психологическую поддержку. В отличие от них женщины, которые принимают решение о прерывании беременности нежизнеспособным плодом, обязаны полагаться на собственные финансовые средства для получения таких услуг полностью вне рамок государственной системы здравоохранения. Им отказывается в медицинском страховании получаемых с этой целью услуг; они вынуждены выезжать за границу за собственные средства для проведения аборта и нести связанные с такими поездками финансовые, психологические и физические нагрузки; и им отказано в получении медицинских услуг после прерывания беременности и в необходимой им психологической поддержке в связи с тяжелой утратой. Комитет... принимает к сведению неоспоренные утверждения автора о том, что в интересах прерывания беременности нежизнеспособным плодом она была вынуждена выехать за рубеж, что повлекло за собой финансовые расходы, которые ей было трудно покрыть. Ей также пришлось вернуться в Дублин всего лишь через 12 часов после родов, поскольку ни она, ни ее муж более не могли позволить себе оставаться в Соединенном Королевстве (пункт 7.10 Соображения).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что криминализация государством-участником абортов сделала ее жертвой гендерного стереотипа репродуктивной роли женщин в первую очередь как матерей и что формирование о ней стереотипного представления как о репродуктивном инструменте стало причиной проявления в отношении нее дискриминации. Комитет считает, что дифференцированное обращение, которому была подвергнута автор по сравнению с другими находившимися в аналогичном положении женщинами, должным образом не учитывало ее медицинские потребности и социально-экономические обстоятельства и не удовлетворяло критериям разумности, объективности и законности целей. Соответственно, Комитет приходит к выводу о том, что неоказание государством-участником необходимых автору услуг явилось проявлением дискриминации и нарушением ее прав по статье 26 Пакта (пункт 7.11 Соображения).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствуют о нарушении государством-участником прав автора по статьям 7, 17 и 26 Пакта (пункт 8 Соображения).

См. также нижеприведенные Соображения по делу Маарлон Джеймс Нобл против Австралии. Сообщение N 7/2012. Соображения приняты Комитетом по правам инвалидов 2 сентября 2016 г.

Вопросы административного выдворения

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: Д.Т. против Канады. Сообщение N 2081/2011. Соображение принято Комитетом по правам человека (далее - Комитет) 15 июля 2016 г.

Тема сообщения: выдворение заявителя в Нигерию.

Вопрос существа: право на неприкосновенность частной жизни; защита семьи; защита детей.

Правовые позиции Комитета: Комитет также напоминает о своей правоприменительной практике, согласно которой возможны случаи, когда отказ государства-участника разрешить одному из членов семьи остаться на его территории будет связан с вмешательством в семейную жизнь этого лица. Однако один лишь тот факт, что определенные члены семьи имеют право оставаться на территории государства-участника, совсем не означает, что предъявляемые другим членам семьи требования покинуть его территорию, представляют собой подобное вмешательство <15> (пункт 7.4 Соображения).

<15> См., например, сообщения N 1792/2008, Дафин против Канады, Соображения, принятые 28 июля 2009 г., пункт 8.1; Вината против Австралии, пункт 7.1; Мадаффри против Австралии, пункт 9.7; а также сообщение N 1222/2003, Бяхуранга против Дании, Соображения, принятые 1 ноября 2004 г., пункт 11.5.

Комитет напоминает, что понятие "произвольности" включает в себя элементы неуместности, несправедливости, отсутствия предсказуемости и должной процедуры <16> наряду с элементами целесообразности, необходимости и соразмерности <17>. Комитет... отмечает, что в тех случаях, когда одна часть семьи должна покинуть территорию государства-участника, в то время как другая часть будет иметь право оставаться на этой территории, соответствующие критерии для оценки того, может ли быть объективно оправданным конкретное вмешательство в семейную жизнь, должны рассматриваться, с одной стороны, в свете значимости выдвигаемых государством-участником причин для высылки соответствующего лица и, с другой стороны, той серьезности положения, в котором в результате этой высылки окажется семья и ее члены <18> (пункт 7.6 Соображения).

<16> См., в частности, сообщение N 2009/2010, Ильясов против Казахстана, Соображения, принятые 23 июля 2014 г., пункт 7.4.

<17> См. принятое Комитетом Замечание общего порядка N 35 (2014 год) о свободе и личной неприкосновенности, пункт 12.

<18> См. Мадаффри против Австралии, пункт 9.8.

Комитет напоминает о принципе, согласно которому во всех решениях, затрагивающих ребенка, наиболее важным соображением является обеспечение его наилучших интересов (пункт 7.10 Соображения).

В том, что касается утверждения по статье 24 [Пакта], Комитет считает, что принцип учета в качестве наиболее важного соображения обеспечение наилучших интересов ребенка образует составную часть права каждого ребенка на принятие в его отношении таких мер защиты, которые требуются в силу его положения как несовершеннолетнего лица, со стороны его семьи, общества и государства согласно требованиям пункта 1 статьи 24 Пакта <19> (пункт 7.10 Соображения).

<19> См. Бахтияри против Австралии, пункт 9.7.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает утверждение автора о том, что, учитывая состояние системы образования и здравоохранения в Нигерии, физическое и психическое здоровье ее сына будет серьезно подорвано в нарушение его прав, предусмотренных пунктом 1 статьи 24 Пакта в случае, если он отправится с ней Нигерию. Автор утверждала, что, если бы ее сыну, гражданину Канады, пришлось остаться в Канаде, он был бы разлучен со своей матерью, единственным опекуном, и его права, предусмотренные статьей 17, пунктом 1 статьи 23 и пунктом 1 статьи 24 Пакта, были бы таким образом нарушены (пункт 7.2 Соображения).

В отношении утверждения о нарушении статьи 17 и пункта 1 статьи 23 [Пакта] Комитет отмечает

приведенный государством-участником аргумент о том, что решение вопроса о том, уедет ли сын автора с ней в Нигерию или останется в [Канаде], в случае чего это приведет к разлучению ребенка и матери, будет приниматься только семьей, а не в результате действий государства (пункт 7.4 Соображения).

В данном случае Комитет считает, что вопрос о депортации в отношении матери-одиночки семилетнего ребенка, который является гражданином государства-участника <20>, представляет собой вмешательство в семейную жизнь по смыслу статьи 17 Пакта. Комитет должен определить, является ли такое вмешательство в семейную жизнь автора произвольным или незаконным в соответствии с пунктом 1 статьи 17 Пакта и, следовательно, была ли государством предоставлена недостаточная защита для ее семьи в соответствии с пунктом 1 статьи 23 [Пакта] (пункт 7.5 Соображения).

<20> См. Мадафери против Австралии, пункт 9.8.

В данном случае Комитет отмечает, что высылка автора преследовала законную цель - выполнение иммиграционного законодательства. Кроме того, государство-участник пояснило, что основанием для высылки автора послужил отклонение ее ходатайства о получении защиты беженца и это ходатайство не имеет такого правового статуса, который мог бы дать ей надежду рассчитывать на то, что она сможет остаться в Канаде, и что поэтому она обязана ходатайствовать о получении постоянного вида на жительство из-за пределов страны (пункт 7.7 Соображения).

Комитет отмечает, что сын автора сообщения А.А. [сын Д.Т.] родился в Канаде в 2004 году и уехал из Нигерии с матерью в возрасте семи лет. А.А. страдает от ряда заболеваний, включая шум в сердце и врожденный порок развития мениска, в связи с чем ему была сделана операция в Канаде. В медицинских заключениях его педиатрического хирурга указано, что эта проблема также может отразиться на его левом колене, поскольку заболевание часто носит двусторонний характер и может привести к необходимости проведения в будущем одной или нескольких артроскопических хирургических операций. Комитет отмечает, что сын автора страдает от синдрома дефицита внимания с гиперактивностью (далее - СДВГ), в связи с чем ему был предписан ежедневный прием лекарств и был разработан междисциплинарный план действий в его школе в Канаде с участием специалистов в области специального образования (пункт 7.8 Соображения).

Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что сердечное заболевание ребенка является доброкачественным и что необходимость проведения в будущем операции на его левом колене носит гипотетический характер. Кроме того, государство-участник считает, что автор не предприняла конкретных усилий по поиску необходимых медицинских и образовательных услуг, которые могли бы быть предоставлены для ее ребенка в Нигерии (пункт 7.9 Соображения).

Комитет считает, что в данном случае государство-участник не учло в качестве наиболее важного соображения обеспечение наилучших интересов ребенка автора и что вследствие этого его вмешательство в семейную жизнь автора и последующая недостаточная защита, предоставленная ее семье, вызвали чрезмерные трудности для автора и ее сына. Вынесение постановления о высылке автора поставило автора перед выбором: оставить своего семилетнего ребенка в Канаде или поставить его под угрозу отсутствия медицинской и образовательной поддержки, от которых он зависит. Комитету не было представлено никакой информации, указывающей на то, что ребенок может воспользоваться какой-либо альтернативной сетью поддержки взрослых в Канаде. В связи с этим вполне разумно было предположить, что автор заберет своего сына с собой обратно в Нигерию, в результате чего он будет лишен требуемой социально-образовательной поддержки. С учетом возраста и особых потребностей сына автора оба варианта, с которыми столкнулась семья - сын, который остается один в Канаде, или возвращение автора в Нигерию, - не могут рассматриваться в качестве отвечающих его наилучшим интересам. Тем не менее государство-участник надлежащим образом не объяснило, ни почему его законная цель обеспечить соблюдение своей иммиграционной политики, в том числе требование к автору направить ходатайство на получение постоянного вида на жительство за пределами Канады, должна быть важнее наилучших интересов ребенка автора, ни то, каким образом такая цель могла бы оправдать те трудности, с которыми столкнулась семья в результате решения о высылке автора. С учетом всех обстоятельств данного дела Комитет считает, что решение о высылке автора представляет собой несоразмерное вмешательство в семейную жизнь автора и ее сына, которое не может быть оправдано в свете приведенных государством-участником причин для высылки автора в Нигерию (пункт 7.10 Соображения).

В том, что касается утверждения по статье 24 [Пакта], Комитет считает, что принцип учета в качестве наиболее важного соображения обеспечение наилучших интересов ребенка образует

составную часть права каждого ребенка на принятие в его отношении таких мер защиты, которые требуются в силу его положения как несовершеннолетнего лица, со стороны его семьи, общества и государства согласно требованиям пункта 1 статьи 24 Пакта <21>. В свете своих выводов по статье 17 и пункту 1 статьи 23 Комитет считает, что вынесенное в отношении автора решение о высылке автора нарушило статью 24 [Пакта], поскольку при этом для А.А. не было обеспечено необходимых мер, на которые он имеет право в качестве ребенка со стороны государства-участника (пункт 7.12 Соображения).

<21> См. Бахтияри против Австралии, пункт 9.7.

Выводы Комитета: депортация автора в Нигерию представляла собой нарушение ее прав, предусмотренных статьей 17, рассматриваемой отдельно и в совокупности с пунктом 1 статьи 23 Пакта, в отношении автора и ее сына, и, кроме того, пунктом 1 статьи 24 Пакта в отношении А.А. (пункт 8 Соображения).

Сообщение: 3. против Дании. Сообщение N 2422/2014. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее - Комитет) 11 марта 2016 г.

Тема сообщения: выдворение в Армению.

Вопрос существа: невыдворение; статус беженца; пытки.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению замечания государства-участника о том, что Апелляционная комиссия по делам беженцев сочла неправдоподобным утверждение о том, что автору будет угрожать опасность жестокого обращения в случае его возвращения в Армению. Комитет также принимает к сведению утверждение автора о том, что он представил подробные, последовательные и убедительные ответы на вопросы, поднятые национальными иммиграционными властями, и что решение Комиссии было произвольным и ошибочным. В частности, Комитет принимает к сведению аргументы автора о том, что Комиссия необоснованно обосновала свой вывод о неправдоподобности следующих заявлений автора: а) что он жил в Беларуси; что он смог установить местонахождение своей матери в Азербайджане по адресу, указанному в письме, которое она направила ему в детский дом; что он провел два года, не выходя из дома матери; что Х. и А. смогли раздобыть военный грузовик после перехода границы с Азербайджаном; и что автор смог перейти через мост в Азербайджан после бегства из армии, и при этом его никто не преследовал. В то же время Комитет считает, что, хотя автор не согласен с выводами Комиссии по этим вопросам, он не продемонстрировал, что ее выводы были явно необоснованными или носили произвольный характер по причине того, что в ходе рассмотрения дела на национальном уровне утверждения автора было уделено недостаточное внимание. Кроме того, что касается утверждения автора о том, что он подвергался преследованиям, надругательствам и оскорблениям в армии из-за своего наполовину азербайджанского происхождения, Комитет отмечает, что автор не ответил на замечания государства-участника относительно наличия противоречий в представленных им национальным органам власти показаниях относительно предполагаемого покушения на изнасилование его брата военнослужащими <22> и того факта, что во время беседы с сотрудниками Иммиграционной службы Дании он не упоминал о состязаниях, в ходе которых они с братом подвергались издевательствам и оскорблениям со стороны военнослужащих по причине их этнической принадлежности <23>. Поэтому на основе имеющейся в его распоряжении информации Комитет не может сделать вывод о том, что существуют серьезные основания полагать, что автору будет угрожать реальная опасность причинения непоправимого вреда, такого, как предусмотренный в статьях 6 и 7 Пакта, в случае его возвращения в Армению (пункт 7.3 Соображения).

<22> См. пункт 4.5 выше.

<23> См. пункт 4.4 выше.

Выводы Комитета: высылка автора в Армению не будет представлять собой нарушения его прав, предусмотренных статьей 7 Пакта (пункт 8 Соображения).

<24> Комитет против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

Сообщение: Р.М. против Швеции. Сообщение N 610/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее - Комитет) 30 ноября 2016 г.

Тема сообщения: выдворение заявителя в Бангладеш.

Вопрос существа: предотвращение принудительного возвращения; предупреждение пыток.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что в случае депортации в Бангладеш он рискует подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, со стороны членов партии "Авами лиг" и сотрудников местной правоохранительной структуры. Однако Комитет отмечает, что объем представленного заявителем сообщения составляет всего полстраницы и что в нем нет никакой подробной информации ни о его политической деятельности в Бангладеш, ни о вынесенном ему ранее обвинительном приговоре от 24 ноября 2005 г. за применение пыток и изнасилование, ни о том, почему упомянутая правоохранительная структура проявляла к нему интерес. Содержание всех представленных заявителем документов, а именно писем представителя Националистической партии Бангладеш, отца заявителя, его адвоката и председателя Национальной комиссии по правам человека, ограничивается утверждением о том, что заявителю грозит опасность из-за его политической принадлежности, без разъяснения его роли в рядах Националистической партии Бангладеш или его предшествующей политической деятельности. С учетом вышеизложенного Комитет отмечает, в частности, что заявитель, несмотря на утверждения о его политическом преследовании в Бангладеш, обратился в консульство Бангладеш в Швеции и получил паспорт, не сообщая о каких-либо проблемах. Комитет также отмечает, что в деле нет ни одного доказательства утверждений заявителя о том, что он ранее подвергался пыткам. По этому аспекту заявитель не привел ни сроков, ни подробностей, ни подтверждающих документов. Исходя из представленных ему материалов, Комитет не в состоянии определить, подвергался ли заявитель в прошлом какому-либо преследованию или жестокому обращению или будет ли ему грозить персональная опасность применения пыток в случае его возвращения в Бангладеш. Учитывая вышеизложенное, Комитет приходит к выводу, что заявителю не удалось в достаточной степени обосновать свои утверждения для целей приемлемости (пункт 6.3 Решения).

Выводы Комитета: сообщение считать неприемлемым в соответствии с пунктом 2 статьи 22 Конвенции (пункт 7 Решения).

Сообщение: А. против Канады. Сообщение N 583/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее - Комитет) 9 мая 2016 г.

Тема сообщения: выдворение заявителя в Индию.

Вопрос существа: произвольное задержание; дискриминация; недопустимость принудительного возвращения; статус беженца; право на жизнь; пытки.

Правовые позиции Комитета: [в] связи с утверждением заявителя по статье 3 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г.] <25> Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что заявителю будет угрожать опасность применения пыток в случае его возвращения в Индию. При оценке такой опасности Комитет должен принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства согласно пункту 2 статьи 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Комитет напоминает, что целью...оценки является определение того, будет ли лично данному лицу угрожать предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, возвращению в которую оно подлежит <26>. Из этого следует, что существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не является достаточной причиной полагать, что тому или иному конкретному лицу будет угрожать опасность применения пыток по возвращению в эту страну; должны быть приведены дополнительные основания в подтверждение того, что такая опасность будет угрожать

лично данному лицу. И наоборот, отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает, что то или иное лицо в тех или иных конкретных обстоятельствах не может быть подвергнуто пыткам (пункт 7.2 Решения).

<25> Далее - Конвенция.

<26> См., в частности, сообщение N 470/2011, X. против Швейцарии, Решение, принятое 24 ноября 2014 г., пункт 7.2.

Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка N 1 (1997) об осуществлении статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22 (возвращение и сообщения), согласно которому при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Хотя при оценке этого риска не следует брать за основу критерий "высокой степени вероятности", Комитет отмечает, что бремя доказывания, как правило, лежит на заявителе, который должен представить убедительные аргументы, доказывающие, что ему грозит "предсказуемая, реальная и личная" опасность <27>. Комитет... напоминает, что согласно его [3]амечанию общего порядка N 1 он в значительной степени опирается на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника, но при этом Комитет не считает себя связанным такими заключениями и исходит из того, что в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции он правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу <28> (пункт 7.3 Решения).

<27> См., в частности, сообщения N 203/2002, А.Р. против Нидерландов, Решение, принятое 14 ноября 2003 г., и сообщение N 258/2004, Дадар против Канады, Решение, принятое 23 ноября 2005 г.

<28> См., в частности, сообщение N 356/2008, Н.С. против Швейцарии, Решение от 6 мая 2010 г., пункт 7.3.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: [п]ри оценке риска применения пыток... Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о наличии предсказуемой, реальной и личной опасности того, что он будет подвергнут пыткам и, возможно, убит в случае возвращения в Индию, поскольку власти в Пенджабе подозревают его в оказании содействия боевикам и планировании вместе с двоюродным братом убийства руководителей. Комитет отмечает, что заявитель не представил достаточно подробную информацию в обоснование этих утверждений. Например, он не представил сведений о конкретных действиях, в причастности к которым полиция его подозревает, или о лицах, с которыми, согласно подозрениям, он был заодно при осуществлении этих действий. Комитет также принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что его национальные органы пришли к выводу, что заявитель не внушает доверие, поскольку, в частности, он в течение трех лет готовился к выезду из Индии и его действия свидетельствуют о намерении продолжить учебу в Канаде: в 2008 году он получил паспорт; в 2009 году он посещал различные курсы английского языка; он подал заявление на канадскую студенческую визу после зачисления в университет на курс по специальности "Менеджмент и медицинские технологии"; он никогда не утверждал, что был связан с каким-либо политическим или радикальным движением; и ему удалось без труда выехать из Индии по действительному паспорту с канадской студенческой визой, несмотря на то, что полиция якобы подозревала его в намерении убить одного руководителя (пункт 7.4 Решения).

Комитет принимает к сведению документацию, представленную заявителем в обоснование утверждения о том, что он подвергался пыткам. Вместе с тем Комитет отмечает, что компетентные органы государства-участника тщательно оценили доказательства, представленные заявителем, и признали их ограниченную доказательную ценность в силу их содержания и времени их появления <29>. Кроме того, Комитет отмечает, что заявитель не представил каких-либо документальных доказательств того, что против него возбуждено какое-либо уголовное дело или что индийские власти выдали ордер на его арест <30>. Комитет полагает, что власти государства-участника надлежащим образом изучили основные аспекты утверждений заявителя, прежде чем вынести отрицательное заключение относительно его правдивости. Поэтому Комитет не считает убедительным утверждение заявителя о том, что, несмотря на то, что он уехал из Индии в январе 2010 года, власти в Пенджабе продолжают преследовать и допрашивать членов его семьи в целях установления его местонахождения (пункт 7.5 Решения).

<29> См. пункт 4.5 выше.

<30> См., в частности, сообщение N 555/2013, 3. против Дании, Решение, принятое 10 августа 2015 г., пункт 7.7.

Выводы Комитета: заявитель не представил достаточных доказательств, позволяющих Комитету сделать вывод о том, что в случае его принудительной высылки в Индию он подвергнется предсказуемой, реальной и личной опасности применения пыток по смыслу статьи 3 Конвенции (пункт 8 Решения).

Решение Европейского Суда по правам человека <31> по жалобе N 25923/15 "А.Р. против России" (вынесено и вступило в силу 10 мая 2016 г.), которым отклонены жалобы заявителя на нарушения статей 3, 8 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. <32> в связи с объявлением ему официального предостережения ФСБ России о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступления, и аннулированием разрешения на его временное проживание в Российской Федерации, что, по мнению заявителя, создавало для него угрозу разлучения с семьей в результате принудительного перемещения в Республику Таджикистан, где для него существовала угроза пыток.

<31> Далее также - Европейский Суд, Суд.

<32> Далее - Конвенция.

Заявитель утверждал, что предостережение ФСБ России в отношении него в контексте аннулирования его разрешения на проживание и отклонения других оснований для его пребывания в Российской Федерации создало ситуацию, в которой он неотвратимо подлежал выдворению в Таджикистан, где для него существовала угроза обращения, нарушающего положения статьи 3 Конвенции. Кроме того, обстоятельства дела влекли или могли повлечь за собой нарушение статьи 8 Конвенции. Наконец, заявитель также утверждал, что в обстоятельствах дела он не располагал какими-либо эффективными средствами правовой защиты.

Европейский Суд принял во внимание довод Властей о том, что "...заявитель мог открыто требовать судебного пересмотра решения об аннулировании его разрешения на временное проживание" (пункт 56 решения).

Суд отметил, что "...решение об аннулировании разрешения заявителя на проживание содержало четкое и однозначное требование покинуть Российскую Федерацию, в противном случае он будет депортирован; отказ в удовлетворении его ходатайства о предоставлении статуса беженца также предусматривал, что он должен покинуть Российскую Федерацию... вышеизложенное не обязательно подразумевает, что выдворение заявителя неизбежно и вытекает из обстоятельств дела. Согласно российскому законодательству, решение, требующее выдворения иностранного гражданина из страны, принимается до того, как такой иностранный гражданин может быть выдворен, например, постановление об экстрадиции, решение, предусматривающее наказание в форме административного выдворения за административное правонарушение, или решение о нежелательности пребывания в Российской Федерации иностранного гражданина и его депортации... и любое подобное постановление о выдворении...может быть обжаловано. В отсутствие какого-либо из таких решений по общему правилу нельзя говорить, что заявитель является "жертвой" потенциального нарушения статьи 3 Конвенции, как в настоящем деле, ввиду риска жестокого обращения в Таджикистане" (пункт 57 решения).

Европейский Суд подчеркнул, что ему не были представлены "...какие-либо доказательства того, что таджикские власти предпринимали какие-либо действия с целью возвращения заявителя в Таджикистан (например, запрос об экстрадиции или постановление об установлении слежки за заявителем), или что российские власти сообщали таджикским властям о своих подозрениях в отношении заявителя" (пункт 59 решения).

Суд заключил, что "...признаки, позволяющие сделать вывод или допустить, что таджикские власти имеют или вероятно могут иметь "негативную заинтересованность" в заявителе, и что заявитель подвергается риску или страдает вследствие "замаскированной экстрадиции", отсутствуют...[Ж]алоба заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции в настоящее время лишена оснований. Следовательно, в настоящее время в данной части жалоба является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подпунктом "а" пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции" (пункты 59 - 60 решения).

В отношении нарушений статей 8 и 13 Конвенции Суд установил, что "...в отсутствие постановления об административном выдворении доводы заявителя относительно будущих негативных последствий для его "семейной жизни", вытекающие из его выдворения с территории Российской Федерации, были и остаются спекулятивными. Следовательно, в настоящее время в данной части жалоба является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подпунктом "а" пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции" (пункт 63 решения).

Суд пришел к выводу, что "...национальные власти допускали продолжение пребывания заявителя в стране в период различных административных и судебных разбирательств с его участием после аннулирования его разрешения на проживание, а затем также в соответствии с указанием Суда,

содержащимся в правиле 39 Регламента Суда. Соответственно, данная часть жалобы, в том виде, в котором она была представлена Суду, является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подпунктом "а" пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции" (пункт 64 решения).

См. также нижеприведенные постановления Европейского Суда по жалобам N 58923/14 "Холмуродов против России" (вынесено 1 марта 2016 г., вступило в силу 4 июля 2016 г.) и N 14348/15 "У.Н. против России" (вынесено 26 июля 2016 г., вступило в силу 28 ноября 2016 г.)

В сфере уголовно-правовых
и уголовно-процессуальных отношений

Запрет пыток

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: Каюм Ортиков против Узбекистана. Сообщение N 2317/2013. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее - Комитет) 26 октября 2016 г.

Тема сообщения: право не подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению; произвольные аресты и задержания; справедливое судебное разбирательство; право на эффективные средства правовой защиты

Вопрос существа: пытки; пытки - оперативное и беспристрастное расследование; произвольный арест - содержание под стражей; эффективные средства правовой защиты; справедливое судебное разбирательство; справедливое судебное разбирательство - правовая помощь; справедливое судебное разбирательство - право на рассмотрение дела в присутствии обвиняемого.

Правовые позиции Комитета: лица, лишённые свободы, не могут подвергаться каким-либо лишениям или тяготам, помимо тех, которые являются результатом лишения свободы, и что обращение с ними должно быть гуманным и обеспечивающим уважение их достоинства <33>. Он также отмечает, что содержание под стражей без связи с внешним миром несовместимо с обязательством обращаться с заключёнными гуманно и с уважением их достоинства <34> (пункт 10.4 Соображения).

<33> См. Замечание общего порядка N 21 (1992 год) о праве лиц, лишённых свободы, на гуманное обращение, пункты 3 - 4; и Сообщения N 1780/2008, Зарзи против Алжира, Соображения, принятые 22 марта 2011 г., пункт 7.8, и N 1753/2008, Гезут и Ракик против Алжира, Соображения, принятые 19 июля 2012 г., пункт 8.8.

<34> См. Сообщение N 1781/2008, Берзиг против Алжира, Соображения, принятые 31 октября 2011 г., пункт 8.8.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение автора о пытках в полицейском следственном изоляторе N 64/1 в Ташкенте с февраля по август 2009 года. Комитет принимает к сведению замечания государства-участника о том, что после жалобы брата автора от 8 мая 2009 г. Главное управление по вопросам исполнения наказаний провело расследование, однако не обнаружило каких-либо доказательств якобы имевшего место жестокого обращения. Он также отмечает, что в медицинских документах, представленных автором, отмечаются различные увечья, но не указывается их причина и происхождение. Вместе с тем Комитет также отмечает, что государство-участник не представило конкретную информацию о расследовании, проведенном Главным управлением по исполнению наказаний. Оно также не представило Комитету никаких документов в подтверждение своих заявлений о состоянии здоровья автора в момент его перевода в тюрьму и выхода из нее. Комитет также отмечает, что автор был подвергнут продолжительному содержанию под стражей без связи с внешним миром (почти три месяца), что является фактом, которое государство-участник не оспаривает, и само по себе может представлять одну из форм пыток или жестокого, бесчеловечных или унижающих достоинство обращения и наказания, особенно в тех случаях, когда период такого содержания под стражей без связи с внешним миром не установлен органами правопорядка и является, по сути, бессрочным <35>. Он... отмечает, что родственники автора направили по крайней мере 12 жалоб (прилагаются к первоначальному представлению) по поводу обращения с автором во время содержания под стражей в различные государственные органы, в том числе в Генеральную прокуратуру, Управление внутренних дел города Ташкента, Службу национальной безопасности и Верховный суд, однако заявителям не было представлено никакой информации о каких-либо следственных мерах, принятых властями в связи с этими жалобами. В свете вышеизложенного, принимая во внимание детальное описание фактов в утверждениях автора о многочисленных актах пыток, которым он был подвергнут в следственном изоляторе N 64/1, а также неспособность государства-участника опровергнуть эти утверждения с помощью надлежащих документальных доказательств и учитывая конкретный контекст длительного содержания автора под стражей в СИЗО в нарушение требований национального законодательства, что не получило разъяснения со стороны

государства-участника, а также то, что государство-участник не провело эффективного расследования утверждений автора о применении пыток, Комитет приходит к выводу о нарушении прав автора по статье 7 Пакта, рассматриваемых отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах <36> (пункт 10.2 Соображения).

<35> См. сообщения N 992/2001, Бусруаль против Алжира, Соображения, принятые 30 марта 2006 г., пункт 9.8, и N 2297/2013, Шани против Алжира, Соображения, принятые 11 марта 2016 г., пункт 7.3.

<36> См. Замечание общего порядка Комитета N 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, пункт 11.

Комитет принимает к сведению утверждение автора о нарушении его прав по статье 9 Пакта, так как он содержался в следственном изоляторе полиции с 8 февраля 2009 г. по 7 сентября 2009 г., тогда как согласно статье 54 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан осужденный должен быть переведен из следственного изолятора в тюрьму не позднее, чем через 10 дней после получения СИЗО окончательного судебного приговора. Не получив от государства-участника никаких разъяснений относительно этого утверждения, Комитет приходит к выводу о том, что содержание автора под стражей в СИЗО N 64/1 представляло собой нарушение установленной законом процедуры. Поэтому Комитет приходит к выводу о нарушении прав автора по пункту 1 статьи 9 Пакта (пункт 10.3 Соображения).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о его продолжительном содержании без связи с внешним миром в следственном изоляторе N 64/1 с 8 февраля 2009 г., а также отмечает, что его адвокату было разрешено посетить его в первый раз 4 мая 2009 г. и что его жена встретила с ним лишь 8 октября 2009 г. после его перевода в тюрьму. Государство-участник не опровергло это утверждение автора, однако заявило, что автор отказался от свиданий со своими родственниками. С учетом сделанного ранее вывода об отсутствии надлежащей реакции со стороны государства-участника на утверждения о том, что права автора по статье 7 Пакта были нарушены, Комитет не считает высокой доказательственную силу якобы имевшего место отказа автора от свиданий с родственниками. Он также отмечает, что государство-участник не утверждало, что автор отказался встречаться со своим адвокатом... В свете вышеизложенного Комитет приходит к выводу о том, что продолжительное содержание автора под стражей без связи с внешним миром также является нарушением его прав по пункту 1 статьи 10 Пакта (пункт 10.4 Соображения).

Выводы Комитета: представленная информация свидетельствует о нарушении государством-участником прав автора по статье 7, рассматриваемой отдельно и в сочетании с пунктом 3 статьи 2, пунктом 1 статьи 9 и пунктом 1 статьи 10 Пакта (пункт 11 Соображения).

Сообщение: Жахангир Базаров против Кыргызстана. Сообщение N 2187/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее - Комитет) 21 октября 2016 г.

Тема сообщения: пытки и жестокое обращение в период содержания под стражей; несправедливое судебное разбирательство.

Вопрос существа: пытки; справедливое судебное разбирательство - правовая помощь; произвольный арест - произвольное содержание под стражей; дискриминация по признаку этнического происхождения.

Правовые позиции Комитета: [п]о поводу обязательства государства-участника надлежащим образом расследовать утверждения автора о пытках Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой уголовное расследование и последующее привлечение к ответственности представляют собой необходимые средства восстановления нарушенных прав человека, таких как права, защищаемые статьей 7 Пакта <37> (пункт 6.3 Соображения).

<37> См. Замечания общего порядка Комитета N 20, пункт 14, и N 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства - участники Пакта, пункт 18.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает во внимание утверждения автора о том, что в ряде случаев он был подвергнут пыткам и другим видам жестокого обращения. Комитет отмечает, что автор сообщил о пытках как Ошскому областному суду, так и Верховному суду Кыргызстана. Он также принимает к сведению признание государства-участника о том, что автор заявил о применении к нему пыток. Вместо проведения быстрого и беспристрастного расследования компетентными органами <38> государство-участник объясняет жалобы автора его

желанием избежать наказания за преступное поведение. Комитет также отмечает, что автор и его адвокаты представили судам фотографии со следами пыток, результаты медицинского обследования, подтверждающие признаки пыток, а также показания свидетелей. Комитет считает, что в обстоятельствах данного дела и, в частности, в свете того, что государство-участник не дало объяснений по поводу заметных следов жестокого обращения, которые неоднократно видели свидетели, утверждениям автора следует придавать соответствующий вес (пункт 6.2 Соображения).

<38> См. Замечание общего порядка Комитета N 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, пункт 14.

Комитет отмечает, что согласно материалам дела не было проведено расследования утверждений о пытках, несмотря на ряд инкриминирующих показаний свидетелей. Исходя из обстоятельств данного дела Комитет заключает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора по статье 7 Пакта при рассмотрении ее отдельно, а также совместно с пунктом 3 статьи 2 [Пакта] (пункт 6.3 Соображения).

Комитет... принимает к сведению заявления автора по пункту 1 статьи 9 [Пакта] о том, что он был произвольно задержан с 19 июля по 24 июля 2010 г., когда вопрос о его содержании под стражей был рассмотрен Ошским городским судом. Автор утверждает, что государство-участник подвергло его произвольному задержанию до 24 июля 2010 г., с тем чтобы дать возможность сотрудникам милиции применить к нему пытки. Государство-участник утверждает, что автор был задержан только 24 июля 2010 г. [А]втор утверждает, что в течение нескольких дней его произвольного содержания под стражей его пытали несколько сотрудников милиции, принуждая его к даче признательных показаний. По утверждению автора, эти признательные показания были приняты за основу вынесенного 27 августа 2010 г. обвинительного приговора в нарушение его прав согласно подпункту g) пункта 3 статьи 14 [Пакта]. Принимая во внимание выводы Комитета относительно нарушений статьи 7 и неспособность или нежелание государства-участника расследовать утверждения автора о пытках и непровергнутый факт использования полученных под принуждением признательных показаний автора в качестве доказательства и основы вынесенного ему обвинительного приговора, Комитет считает, что также были нарушены права автора в соответствии с пунктом 1 статьи 9 и подпунктом g) пункта 3 статьи 14 Пакта (пункт 6.4 Соображения).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствуют о нарушении прав автора по статье 7 при рассмотрении ее отдельно, а также совместно с пунктом 3 статьи 2, пунктом 1 статьи 9 и подпунктом g) пункта 3 статьи 14 Пакта (пункт 7 Соображения).

Сообщение: Медждуб Шани против Алжира. Сообщение N 2297/2013. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее - Комитет) 11 марта 2016 г.

Тема сообщения: применение пыток и произвольное содержание под стражей.

Вопрос существа: пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение; произвольное содержание под стражей; свобода передвижения; равные возможности и справедливое судебное разбирательство; лишение защиты закона.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает <39>, что бремя доказывания... утверждений лежит не только на авторе сообщения, тем более что автор и государство-участник не всегда имеют одинаковый доступ к элементам доказательств и что зачастую лишь государство-участник располагает необходимыми сведениями. Как это косвенно вытекает из пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола, государство-участник обязано провести добросовестное расследование всех утверждений о нарушении Пакта, выдвигаемых против него и его представителей, и передать Комитету сведения, которыми оно располагает. В тех случаях, когда автор представляет государству-участнику утверждения, которые подкреплены достоверными доказательствами и дальнейшее уточнение которых зависит от информации, имеющейся исключительно у государства-участника, Комитет может признать утверждения автора обоснованными, если государство-участник их не опровергнет, представив удовлетворительные разъяснения или доказательства (пункт 7.2 Соображения).

<39> Сообщения N 146/1983, Бабоерам Адхин и др. против Суринама, Соображения, принятые 4 апреля 1985 г., пункт 14.2; N 139/1983, Контерис против Уругвая, Соображения, принятые 17 июля 1985 г., пункт 7.2; N 202/1986, Грасиэла Ато дель Авельянал против Перу, Соображения, принятые 28 октября 1988 г., пункт 9.2; N 30/1978, Блейер против Уругвая, Соображения, принятые 29 марта 1982 г., пункт 13.3; N 107/1981, Мария дель Кармен Альмейда де Кинтерос против Уругвая, Соображения, принятые

21 июля 1983 г., пункт 11; N 992/2001, Бусруаль против Алжира, Соображения, принятые 30 марта 2006 г., пункт 9.4.

Комитет ссылается на свое [3]замечание общего порядка N 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, в котором он рекомендует государствам-участникам принять меры в целях запрещения содержания под стражей в режиме строгой изоляции (пункт 7.3 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принял к сведению жалобы автора согласно статье 7 Пакта. Комитет признает степень страданий, причиненных содержанием под стражей без связи с внешним миром в течение определенного периода времени... [Комитет] отмечает, что автор содержался под стражей в режиме строгой изоляции 20 дней и в течение этого времени был лишен возможности связаться со своей семьей, врачом или адвокатом. Комитет...принимает к сведению утверждения автора о том, что он подвергался пыткам во время своего содержания под стражей в режиме строгой изоляции в период с 17 сентября по 6 октября 2009 г. Он отмечает утверждения автора о том, что сотрудники Департамента разведки и безопасности по пять-шесть раз в день подвергали его допросам, в ходе которых ему систематически давали пощечины, пинали ногами, наносили удары кулаками, плевали в лицо и подвергали удушению; и что они неоднократно заставляли его раздеваться и мочились на него, когда он просил принять душ. Комитет отмечает, что государство-участник ограничилось отрицанием этих утверждений, сославшись на то, что они исходят только от автора, хотя в протоколе допроса обвиняемого по тому же делу, который следователь проводил 18 ноября 2009 г., зафиксированы аналогичные утверждения. Комитет... отмечает, что автор заявлял об актах пыток, которым он неоднократно подвергался в ходе разбирательства. В отсутствие расследования этих утверждений или убедительных доказательств, помимо медицинской справки, которая не позволяет говорить о проведении тщательного медицинского осмотра по истечении срока содержания под стражей и доказательная сила которой была поставлена автором под вопрос, Комитет приходит к выводу о нарушении государством-участником статьи 7 [Пакта], рассматриваемой отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта (пункт 7.3 Соображения).

В отношении статьи 9 [Пакта] Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что он был арестован 17 сентября 2009 г. и содержался под стражей в режиме строгой изоляции и без связи с внешним миром, и в частности без контакта с адвокатом или членами своей семьи, и что его содержание под стражей в неизвестном месте проходило без контроля со стороны прокуратуры, о чем свидетельствует отсутствие каких-либо действий со стороны прокурора до 6 октября 2009 г. - даты окончания срока его содержания под стражей. Комитет отмечает, что, по словам автора, в материалах дела не содержатся ни основания для заключения под стражу, ни разрешение прокурора на заключение под стражу, ни разрешение прокурора на продление содержания под стражей, что свидетельствует о произвольном аресте и заключении под стражу автора. Комитет также отмечает отсутствие расследования государством-участником предполагаемого произвольного ареста и содержания автора под стражей в режиме строгой изоляции, несмотря на жалобы, поданные автором. Комитет считает, что в связи с непредставлением государством-участником каких-либо разъяснений по поводу отсутствия в судебном деле материалов, касающихся точной даты ареста автора, оснований для его ареста и законности его заключения под стражу, и в связи с непроведением расследования по этим утверждениям государство-участник нарушило статью 9 [Пакта], рассматриваемую отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта (пункт 7.5 Соображения).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствуют о нарушении статей 7 и 9 Пакта, рассматриваемых отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта (пункт 8 Соображения).

Право на свободу и личную неприкосновенность

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: Вячеслав Бережной против Российской Федерации. Сообщение N 2107/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее - Комитет) 28 октября 2016 г.

Тема сообщения: незаконное содержание под стражей несовершеннолетнего и несправедливое судебное разбирательство.

Вопрос существа: правосудие в отношении несовершеннолетних; опекун/опека; справедливое судебное разбирательство - юридическая помощь, справедливое судебное разбирательство - неоправданная задержка, принуждение к даче показаний.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 3 статьи 9 Пакта каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо "в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть". Комитет напоминает..., что, хотя точное значение слов "в срочном порядке" может различаться в зависимости от фактических обстоятельств, задержка не должна превышать нескольких дней с момента ареста. По мнению Комитета, 48 часов обычно достаточно для транспортировки лица и подготовки к судебному заседанию; любая задержка сверх 48 часов должна носить исключительный характер и оправдываться конкретными обстоятельствами <40>. Особо строгий стандарт срочности, такой как 24 часа, следует применять в отношении несовершеннолетних <41> (пункт 9.2 Соображения).

<40> См. Замечание общего порядка N 35 (2014) о праве на свободу и личную неприкосновенность, пункт 33.

<41> Там же.

Комитет напоминает, что согласно пункту 4 статьи 9 Пакта и его давним решениям помещенному под стражу лицу принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог вынести постановление относительно законности его задержания. При отсутствии законных оснований для дальнейшего содержания под стражей судья должен принять решение об освобождении <42> (пункт 9.3 Соображения).

<42> Там же, пункт 36.

Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка N 17 (1989) о правах ребенка, [3]амечание общего порядка N 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство и на свои решения, в которых говорится, что обвиняемые несовершеннолетние лица имеют право как можно скорее предстать перед судом в рамках справедливого разбирательства. Пункт 2 b) статьи 10 [Пакта] усиливает для несовершеннолетних требования пункта 3 статьи 9 [Пакта] в отношении скорейшего предания суду задержанных до суда лиц <43> (пункт 9.4 Соображения).

<43> Там же, пункт 59.

Комитет напоминает, что в подпункте 3 b) статьи 14 [Пакта] предусматривается, что обвиняемые лица должны иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранными ими самими защитниками. Это положение является важным элементом гарантии справедливого судебного разбирательства и применения принципа равенства состязательных возможностей <44> (пункт 9.5 Соображения).

<44> См. Замечание общего порядка N 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, пункт 32.

Что касается утверждений автора о том, что его права по пункту 4 статьи 14 [Пакта] были нарушены, Комитет ссылается на статью 24 Пакта и указывает, что в уголовном судопроизводстве

несовершеннолетние нуждаются в специальной защите <45> (пункт 9.7 Соображения).

<45> Там же, пункт 42.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению не опровергнутые утверждения автора о том, что он был задержан 16 февраля 1995 г., официально помещен под стражу до суда 18 февраля 1995 г. в соответствии с постановлением прокурора, однако был доставлен к судье лишь через несколько месяцев - в день начала судебного разбирательства. Комитет напоминает, что обязательным элементом надлежащего исполнения судебной власти является проведение разбирательства по соответствующему делу независимым, объективным и беспристрастным судом и что прокурор не может рассматриваться в качестве должностного лица, уполномоченного осуществлять судебную власть по смыслу пункта 3 статьи 9 Пакта <46>. Исходя из этого, Комитет приходит к выводу, что вышеуказанные факты свидетельствуют о нарушении прав автора по пункту 3 статьи 9 Пакта (пункт 9.2 Соображения).

<46> Там же, пункт 32.

Комитет отмечает не получившие опровержения утверждения автора о том, что он незаконно содержался под стражей с 18 мая 1995 г. до начала судебных слушаний 5 марта 1996 г. Комитет также отмечает, что государство-участник не представило никакой информации относительно местонахождения автора в течение этого времени... В данном случае автор не только не был доставлен к судье для вынесения первоначального постановления о заключении под стражу, но и не имел возможности принять участие в разбирательстве его дела в суде с целью оспорить законность своего содержания под стражей, что является прямым нарушением положений пункта 4 статьи 9 Пакта. В этой связи Комитет приходит к выводу, что противозаконное заключение автора под стражу нарушило его права по пункту 4 статьи 9 Пакта. С учетом этого вывода Комитет принимает решение не рассматривать жалобы автора по пунктам 1 и 2 статьи 9 Пакта отдельно (пункт 9.3 Соображения).

Комитет отмечает, что автор был арестован 16 февраля 1995 г. и что его дело не было рассмотрено до 25 марта 1996 г. Комитет также отмечает, что, согласно информации государства-участника, уголовное расследование было завершено и дело было передано в Красноармейский городской суд 27 апреля 1995 г., т.е. почти за год до вынесения окончательного судебного решения. В отсутствие каких-либо соответствующих разъяснений со стороны государства-участника в отношении этой значительной задержки в рассмотрении дела, касающегося содержащегося под стражей несовершеннолетнего, Комитет считает, что права автора на оперативное судебное разбирательство в соответствии с пунктом 2 b) статьи 10 [Пакта] были нарушены. После вывода о нарушении прав автора на вынесение в кратчайший срок судебного решения, как это предусмотрено в пункте 2 b) статьи 10 Пакта, и по тем же причинам, которые указаны выше, Комитет считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора по пункту 3 c) статьи 14 Пакта (пункт 9.4 Соображения).

Что касается права иметь адвоката, то Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что он просил встретиться со своей матерью, с тем чтобы она помогла ему выбрать адвоката. Комитет также отмечает, что мать автора, которая, учитывая возраст автора, могла сыграть важную роль в нахождении ему адвоката, была назначена в качестве его законного представителя лишь 8 апреля 1995 г., когда следствие было почти завершено... Учитывая возраст автора на тот момент и его уязвимость, Комитет считает, что автору не было предоставлено достаточного времени и возможностей для подготовки своей защиты или общения с выбранным им самим защитником и что его права согласно пункту 3 b) статьи 14 Пакта были тем самым нарушены (пункт 9.5 Соображения).

Комитет уже подчеркивал важность оказания надлежащей помощи несовершеннолетним в ходе уголовного разбирательства, в том числе через их родителей или законных опекунов <47>. Комитет принимает к сведению замечание государства-участника о том, что родители автора были проинформированы "устно" во время его ареста, но при этом отмечает, что мать автора была назначена в качестве его законного представителя лишь 8 апреля 1995 г., т.е. почти через два месяца после его ареста <48>. Комитет считает, что в данном случае, учитывая возраст автора на тот момент, ставящий его в уязвимое положение, беспрепятственный доступ к его родителям или законному опекуну или юридическому представителю могли бы сыграть важную роль в деле защиты его прав в ходе уголовного разбирательства <49>. Эти права, в частности, включают в себя право на помощь адвоката по своему выбору, право на безотлагательное судебное разбирательство, а также право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты. С учетом того, что информация, представленная

сторонами, свидетельствует о том, что государство-участник не приняло никаких специальных мер по защите автора по причине его возраста, Комитет считает, что государство-участник нарушило права автора, предусмотренные пунктом 4 статьи 14 [Пакта], рассматриваемым в совокупности с пунктом 1 статьи 24 Пакта (пункт 9.7 Соображения).

<47> Там же. См. также сообщение N 1390/2005, Кореба против Беларуси, Соображения, принятые 25 октября 2010 г., пункт 7.4.

<48> См. Комитет по правам ребенка, Замечание общего порядка N 10 (2007) о правах детей в рамках отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, в котором Комитет подчеркивает важность информирования ребенка и его родителей или законных опекунов в отношении уголовного судопроизводства (пункт 48) и предоставления ребенку, который подвергается допросу, доступа к адвокату или иному соответствующему представителю и возможности требовать присутствия своего родителя(ей) в ходе допроса (пункт 58).

<49> См. Европейский Суд по правам человека, Блохин против России (заявление N 47152/06), решение от 23 марта 2016 г., пункт 183, в котором Суд признал, что допрос несовершеннолетнего в отсутствие опекуна, защитника или учителя является мерой "психологического принуждения".

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствуют о нарушении государством-участником пунктов 3 и 4 статьи 9, пункта 2 b) статьи 10, пункта 3 b) и c) статьи 14 и пункта 4 статьи 14 [Пакта], рассматриваемых в совокупности с пунктом 1 статьи 24 Пакта (пункт 10 Соображения).

В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить эффективное средство правовой защиты лицам, права которых, предусмотренные Пактом, были нарушены. Соответственно, государство-участник обязано, в частности, предоставить Вячеславу Бережному надлежащую компенсацию, в том числе возместить ему судебные, правовые и иные связанные с этим делом издержки. Государство-участник также обязано принять все необходимые шаги с целью предотвращения аналогичных нарушений в отношении несовершеннолетних правонарушителей в будущем (пункт 11 Соображения).

Постановление Европейского Суда по жалобе N 51445/09 "Жеребин против России" (вынесено 24 марта 2016 г., вступило в силу 12 сентября 2016 г.), которым установлено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с неоднократным продлением судами срока содержания заявителя под стражей без достаточных на то оснований и без приведения надлежащих мотивов применения названной меры пресечения.

Заявитель жаловался, ссылаясь на пункты 1 и 3 статьи 5 Конвенции, что его содержали под стражей в ходе следствия и судебного разбирательства, несмотря на отсутствие значительных и достаточных оснований.

Европейский Суд отметил, что "...[п]ри обосновании необходимости заключения заявителя под стражу в ходе судебного разбирательства по уголовному делу в его отношении внутригосударственные судебные власти аргументировали это тем, что он может скрываться или препятствовать отправлению правосудия путем, в том числе, оказания давления на свидетелей" (пункт 57 постановления).

Суд установил, что "...внутригосударственные суды отказались рассматривать личные поручительства, подписанные лицами, согласными поручиться за заявителя, сомневаясь в их подлинности. Они также ссылались, без указания действующих норм уголовного права, на несоблюдение заявителем требования по представлению указанных документов следователю" (пункт 59 постановления)

Европейский Суд подчеркнул, что "...внутригосударственные органы власти при отказе в освобождении заявителя утверждали, что он не представил доказательств, опровергающих предположения обвинения о наличии риска, что он может скрыться или препятствовать отправлению правосудия...[П]ерекладывание бремени доказывания в таких вопросах на задержанное лицо равнозначн[о] уничтожению смысла статьи 5 Конвенции, которая делает заключение под стражу исключительным случаем отступления от принципа уважения свободы личности, допустимым только в ограниченном количестве строго определенных случаев" (пункт 60 постановления).

Суд указал на то, что "...большинство предыдущих дел длительного содержания под стражей имеют более длительные периоды лишения свободы, в сравнении с которыми [срок содержания под стражей заявителя] можно рассматривать как относительно короткий период содержания под стражей" <50> (пункт 61 постановления).

<50> Срок содержания заявителя под стражей составил семь месяцев и двадцать дней.

Европейский Суд заключил, что "...не рассмотрев возможность применения альтернативной "меры пресечения" и сославшись, в основном, на тяжесть предъявленного обвинения, а также переложив бремя доказывания на заявителя, власти Российской Федерации продлили срок содержания заявителя под стражей на основаниях, которые, хоть и являются "значительными", не могут считаться "достаточными" для обоснования такой длительности срока...Соответственно, имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции" (пункты 62 - 63 постановления).

В Верховный Суд Российской Федерации также поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения Российской Федерацией положений пунктов 3 и 4 статьи 5 Конвенции в части нарушения права лица на разумные сроки нахождения под стражей в ожидании приговора суда, а также в связи с чрезмерно длительным рассмотрением жалоб на постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также о продлении срока содержания под стражей.

Постановления по жалобам N 80015/12 "Девтеров против России" (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 г.), N N 30454/08, 11655/10 и 19871/10 "Бражников и другие против России" (вынесено и вступило в силу 30 июня 2016 г.), N 9994/06 "Поддубный и Бабков против России" (вынесено и вступило в силу 21 июня 2016 г.), N N 24649/10 и 8496/13 "Сюсюра и Овечкин против России" (вынесено и вступило в силу 30 июня 2016 г.), N N 7243/10 и 15536/10 "Евстратов и Рудаков против России" (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 г.), N 34942/05 "Колкутин против России" (вынесено и вступило в силу 12 июля 2016 г.), N N 1985/05, 18579/07, 21748/07, 21954/07 и 20922/08 "Сергей Денисов и другие против России" (вынесено 19 апреля 2016 г., вступило в силу 12 сентября 2016 г.), N 51311/12 "Махмуд против России" (вынесено и вступило в силу 20 сентября 2016 г.), N N 58104/14, 12566/15, 13335/15, 15383/15, 18943/15, 21219/15 и 23554/15 "Вальтер и другие против России" (вынесено и вступило в силу 30 июня 2016 г.), N N 16120/07 и 24021/07 "Горбатенко и Шейдяков против России" (вынесено и вступило в силу 15 ноября 2016 г.).

См. также вышеприведенные Соображения Комитета по правам человека по делу Каюм Ортиков против Узбекистана; по делу Жахангир Базаров против Кыргызстана; по делу Медждуб Шани против Алжира.

См. также нижеприведенные Соображения по делу Марлон Джеймс Нобл против Австралии.

См. также нижеприведенные постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам N N 1985/05, 18579/07, 21748/07, 21954/07 и 20922/08 "Сергей Денисов и другие против России" (вынесено 19 апреля 2016 г., вступило в силу 12 сентября 2016 г.); по жалобе N 24849/05 "Сергей Зайцев против России" (вынесено и вступило в силу 20 сентября 2016 г.).

Право на справедливое судебное разбирательство

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам инвалидов

Сообщение: Марлон Джеймс Нобл против Австралии. Сообщение N 7/2012. Соображения приняты Комитетом по правам инвалидов (далее - Комитет) 2 сентября 2016 г.

Тема сообщения: право пользоваться правоспособностью наравне с другими.

Вопрос существа: доступ к суду; психическая и интеллектуальная недееспособность; реализация правоспособности; лишение свободы; дискриминация по признаку инвалидности; ограничения прав.

Правовые позиции Комитета: по пунктам 1 и 2 статьи 5 Конвенции [о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г.] <51> государства-участники должны обеспечивать, чтобы все лица были равны перед законом и по нему и имели право на равную защиту закона и равное пользование им без всякой дискриминации, и для поощрения равенства и устранения дискриминации должны предпринимать все надлежащие шаги к обеспечению разумного приспособления. Комитет... напоминает, что дискриминация может быть результатом дискриминационного эффекта нормы или меры, которые не рассчитаны на дискриминацию, но несоразмерно затрагивают инвалидов <52> (пункт 8.3 Соображения).

<51> Далее - Конвенция.

<52> См. сообщение N 10/2013, С.К. против Бразилии, Решение о неприемлемости, принятое 2 октября 2014 г., пункт 6.4.

Комитет напоминает, что по пункту 2 статьи 12 [Конвенции] государства-участники несут обязанность признать, что инвалиды обладают правоспособностью наравне с другими во всех аспектах жизни. По пункту 3 статьи 12 [Конвенции] государства-участники несут обязанность предоставлять инвалидам доступ к поддержке, которая может потребоваться им для реализации своей правоспособности. Комитет также напоминает, что по пункту 1 статьи 13 [Конвенции] государства-участники должны обеспечивать инвалидам наравне с другими эффективный доступ к правосудию, в том числе предусматривая процессуальные и соответствующие возрасту коррективы (пункт 8.5 Соображения).

Комитет считает, что, хотя государства-участники имеют определенные дискреционные пределы с целью установления процедурных механизмов, дабы позволить инвалидам осуществлять свою правоспособность <53>, должны соблюдаться соответствующие права данного лица (пункт 8.6 Соображения).

<53> См. сообщение N 5/2011, Юнгелин против Швеции, Соображения от 2 октября 2014 г., пункт 10.5.

[О]дним из наиболее ценных прав, которыми наделен каждый, является свобода и личная неприкосновенность. В частности, право на свободу согласно статье 14 Конвенции имеют все инвалиды, и особенно лица, страдающие интеллектуальными и психосоциальными расстройствами <54> (пункт 8.7 Соображения).

<54> См. руководящие принципы Комитета по статье 14 Конвенции о праве на свободу и личную неприкосновенность инвалидов, принятые на его четырнадцатой сессии (2015 год), пункт 3.

Комитет подчеркивает, что государства-участники занимают особое место в плане гарантии защиты прав лиц, лишенных свободы, в силу той степени контроля, который они осуществляют над этими лицами <55>, включая и предотвращение любой формы обращения вопреки статье 15 Конвенции и гарантию прав, установленных по Конвенции. В этом контексте власти государства-участника должны уделять особое внимание конкретным потребностям и возможной уязвимости соответствующего лица, в том числе по причине его или ее инвалидности (пункт 8.9 Соображения).

<55> См. Комитет против пыток, сообщение N 456/2011, Герреро Ларес против Боливарианской Республики Венесуэла, Решение, принятое 15 мая 2015 г., пункт 6.4; Комитет по насильственным исчезновениям, сообщение N 1/2013, Ируста против Аргентины, Соображения, принятые 11 марта 2016

г., пункт 10.5.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает... заявление [автора] о том, что Закон о душевнобольных обвиняемых носит дискриминационный характер, поскольку он применяется лишь к лицам, страдающим когнитивными расстройствами, и в случае предъявления им обвинения в уголовных правонарушениях предусматривает их бессрочный арест без установления вины, тогда как лица, не страдающие когнитивными расстройствами, защищены от такого обращения за счет применения норм надлежащей правовой процедуры и справедливого судебного разбирательства. Комитет также отмечает, что, по мнению государства-участника, этот закон не носит дискриминационный характер, а предусматривает легитимное дифференцированное обращение с определенными лицами, страдающими инвалидностью, с соблюдением гарантий с целью обеспечить его соразмерность целям закона (пункт 8.2 Соображения).

Комитет отмечает, что Закон о душевнобольных обвиняемых призван урегулировать ситуацию лиц, страдающих психосоциальными и интеллектуальными расстройствами, которые признаются неспособными предстать перед судом по причине психического расстройства. И поэтому вопрос, стоящий перед Комитетом, заключается в том, чтобы определить, носит ли дифференцированный режим, предусмотренный по Закону, разумный характер или не приводит ли он к дискриминационному обращению с инвалидами (пункт 8.3 Соображения).

[A]втор был обвинен в 2001 году в сексуальных правонарушениях, которые так и не были доказаны. В марте 2003 года он был признан процессуально недееспособным. Был выдан ордер на арест, и автор содержался в заключении в гренафской окружной тюрьме до 10 января 2012 г., когда он был передан в службу поддержки на предмет адаптации. Комитет отмечает, что на всем протяжении заключения автора в тюрьме вся судебная процедура фокусировалась на его умственной способности предстать перед судом, и ему не было предоставлено никакой возможности заявить о своей невинности и оспорить инкриминирующие его доказательства. Комитет также отмечает, что государство-участник не предоставило автору поддержки или адаптации, которые требуются ему для реализации своей правоспособности, и не проанализировало, какие меры могли бы быть приняты с этой целью. Наоборот, в результате применения Закона было полностью приостановлено право автора на справедливое судебное разбирательство, что лишило его защиты и равного преимущества закона. И поэтому Комитет считает, что Закон обернулся дискриминационным обращением по делу автора в нарушение пунктов 1 и 2 статьи 5 Конвенции... Комитет отмечает, что по Закону с признанием того или иного лица процессуально недееспособным он или она может содержаться под арестом неограниченный промежуток времени. Он или она будут предположительно считаться по-прежнему психически неспособными предстать перед судом до тех пор, пока не будет доказано обратное. А между тем такое лицо не имеет возможности реализовывать свою правоспособность в судах (пункт 8.4 Соображения).

Что касается утверждений автора по пунктам 2 и 3 статьи 12 и по пункту 1 статьи 13 Конвенции, то Комитет отмечает утверждение автора о том, что решение о его процессуальной недееспособности лишило его возможности реализовать свою правоспособность, дабы заявить о своей невинности и оспорить инкриминирующие его доказательства, что равносильно нарушению пунктов 2 и 3 статьи 12 Конвенции (пункт 8.5 Соображения).

В настоящем деле решение о процессуальной недееспособности автора по причине его недееспособности интеллектуальной и психической обернулось отказом ему в праве реализовать свою правоспособность, дабы заявить о своей невинности и оспорить инкриминирующие его доказательства. Более того, властями государства-участника автору не было предоставлено никакого рода адекватной поддержки, дабы позволить ему предстать перед судом и заявить о своей невинности, несмотря на его явное намерение сделать это. И поэтому ему так и не была предоставлена возможность добиться определения по инкриминируемым ему уголовным обвинениям и потенциально обелить свой статус предполагаемого сексуального правонарушителя. Комитет считает, что, хотя государства-участники имеют определенные дискреционные пределы с целью установления процедурных механизмов, дабы позволить инвалидам осуществлять свою правоспособность <56>, должны соблюдаться соответствующие права данного лица. В случае же автора этого не произошло, ибо он не имел возможности и ему не было предоставлено адекватной поддержки или адаптации, чтобы реализовать свои права на доступ к правосудию и на справедливое судебное разбирательство. Ввиду вышесказанного Комитет считает, что рассматриваемая ситуация равносильна нарушению прав автора по пунктам 2 и 3 статьи 12 и по пункту 1 статьи 13 Конвенции (пункт 8.6 Соображения).

<56> См. сообщение N 5/2011, Юнгелин против Швеции, Соображения от 2 октября 2014 г., пункт 10.5.

Комитет отмечает, что после мартовского 2003 года решения окружного суда Западной Австралии, согласно которому автор был признан процессуально недееспособным, он, после того как в порядке применения Закона о душевнобольных обвиняемых были аннулированы все обвинения против него, был заключен в тюрьму, не будучи осужден за какое-либо правонарушение. Комитет также отмечает утверждение государства-участника о том, что компетентные ведомства приняли это решение из-за отсутствия наличных альтернатив и служб поддержки, хотя они и считали, что тюрьма "не является подходящей средой для автора". И поэтому заключение автора было избрано на основе оценки ведомствами государства-участника потенциальных последствий его интеллектуальной недееспособности в отсутствие всякого уголовного обвинительного приговора, сделав тем самым инвалидность основной причиной заключения. И поэтому Комитет считает, что заключение автора равносильно нарушению пункта 1 b) статьи 14 Конвенции, согласно которой "наличие инвалидности ни в коем случае..." не является "...основанием для лишения свободы" (пункт 8.7 Соображения).

Комитет отмечает, что 10 января 2012 г. автор был выпущен из тюрьмы и передан в службу поддержки на предмет адаптации на 10 условиях. Не вдаваясь в детальный анализ этих условий, Комитет считает, что, поскольку эти условия были определены как прямое следствие заключения автора, которое признается нарушением Конвенции, они тоже равносильны нарушению пункта 1 b) статьи 14 (пункт 8.8 Соображения).

Комитет отмечает утверждения автора о том, что он подвергался частым актам насилия и надругательства, что его инвалидность мешала ему защищаться от таких актов и что власти государства-участника не приняли никаких мер, чтобы наказать и предотвратить их или защитить от них автора. Вдобавок Комитет отмечает, что автор содержался в заключении больше 13 лет безо всяких указаний насчет продолжительности его заключения. Как считалось, его заключение носит бессрочный характер, поскольку, в соответствии со статьей 10 Закона о душевнобольных обвиняемых, "обвиняемый, признанный по настоящему разделу психически неспособным предстать перед судом, предположительно считается по-прежнему психически неспособным до тех пор, пока не будет доказано обратное". Принимая в расчет непоправимые психологические последствия, которыми может обернуться для заключенного бессрочное заключение, Комитет полагает, что бессрочное заключение, которому он был подвергнут, равносильно бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. И поэтому Комитет считает, что бессрочное заключение автора и неоднократные акты насилия, которым он подвергался в ходе его заключения, равносильны нарушению государством-участником статьи 15 Конвенции (пункт 8.9 Соображения).

Выводы Комитета: государство-участник не выполнило свои обязательства по пунктам 1 и 2 статьи 5, 2 и 3 статьи 12, 1 статьи 13, 1 b) статьи 14 и по статье 15 Конвенции (пункт 8.10 Соображения).

Постановление Европейского Суда по жалобам N N 1985/05, 18579/07, 21748/07, 21954/07 и 20922/08 "Сергей Денисов и другие против России" (вынесено 19 апреля 2016 г., вступило в силу 12 сентября 2016 г.), которым отклонена жалоба заявителей на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с якобы незаконным составом городского суда, вынесшим приговор по делу заявителей и необоснованно длительным рассмотрением уголовного дела в их отношении.

Вместе с тем установлено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с неоднократным продлением судами срока содержания заявителя под стражей без достаточных на то оснований и без приведения надлежащих мотивов применения названной меры пресечения.

Заявители жаловались, ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, на то, что состав городского суда, который вынес приговор в их отношении, не был создан в соответствии с законом и не имел полномочий рассматривать их дело после 1 января 2004 г.

Европейский Суд отметил, что "...жалоба заявителей имеет два аспекта. Во-первых, они оспорили законность назначения народных заседателей, которые вошли в состав суда, рассматривавшего их дело, и продление срока их полномочий; и, во-вторых, они поставили под сомнение их судебские полномочия после 1 января 2004 г." (пункт 111 постановления).

Суд подчеркнул, что "...[т]от факт, что жалоба в настоящем деле касается народных заседателей, не умаляет ее важности, поскольку, согласно статье 15 Уголовно-процессуального кодекса [РСФСР], в своей должности народные заседатели пользуются всеми правами профессионального судьи" (пункт 113 постановления).

Европейский Суд установил, что "...с 1990 года по 1991 год городской суд выбрал резерв народных заседателей... [Народные заседатели] были должным образом избраны...соответственно сроком на пять лет... [В] 1993 году срок полномочий народных заседателей в России был продлен Указом 1993 года <57> до вступления в силу закона, регулирующего судебную систему... 31 декабря 1996 г. был принят Закон РФ "О судебной системе", который предусматривал, что народные заседатели сохраняют свои полномочия до истечения срока их службы... Однако, спустя двадцать три дня, Указ 1997 года <58> продлил срок полномочий народных заседателей в России до вступления в силу закона о народных заседателях... [Н]ебольшая задержка в возобновлении полномочий народных заседателей,...которые занимали эту должность с начала 1990-х годов по 2006 год, являлась незначительным нарушением и не подрывала законность статуса" (пункты 115 - 118 постановления).

<57> Указ Президента Российской Федерации "О замещении вакантных должностей федеральных судей" от 25 декабря 1993 г.

<58> Указ Президента Российской Федерации "О продлении срока полномочий народных заседателей верховных судов республик, краевых, областных судов, московского и санкт-петербургского городских судов, суда автономной области, судов автономных округов, районных и военных судов" от 23 января 1997 г.

Суд далее отметил, что "...[народные заседатели] начали рассмотрение дела заявителей 1 октября 2001 г., список народных заседателей, содержащий их имена, еще не был утвержден Законодательным собранием г. Санкт-Петербурга и передан в городской суд в соответствии со статьей 2 Закона о народных заседателях <59> ... 5 августа 2002 г. судебное разбирательство по делу заявителей еще велось, и [народные заседатели] участвовали в нем..., начиная с 1 октября 2001 г. В соответствии с применимыми положениями Уголовно-процессуального кодекса РФ... состав суда, рассматривающего дело, должен оставаться неизменным в течение всего срока судебного разбирательства...[Т]ребование о постоянном составе суда, предусмотренное Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР, а позже и Российской Федерации, обеспечивало непрерывное и своевременное рассмотрение дела заявителей и заменяло собой неспособность властей утвердить и распространить списки народных заседателей" (пункты 121 - 122 постановления).

<59> Федеральный закон от 2 января 2000 г. N 37-ФЗ (с изм. от 14 ноября 2002 г.) "О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации".

Европейский Суд пришел к выводу о том, что "...[народные заседатели] имели полномочия рассматривать дело заявителей до и после 5 августа 2002 г., а также после 1 января 2004 г., когда положения закона о народных заседателях были отменены. Таким образом, Суд приходит к выводу о

том, что состав суда, рассматривавшего дело заявителей, был законным, и в этом отношении не было допущено нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции" (пункт 125 постановления).

Заявители также жаловались на то, что длительность разбирательства по их уголовному делу не соответствовала требованию "разумного срока", установленному пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

Суд подчеркнул, что "...обоснованность длительности рассмотрения дела необходимо оценивать с учетом обстоятельств дела и следующих критериев: сложности дела, поведения заявителя и соответствующих органов власти... предварительное следствие по делу заявителей велось с 10 января 1999 г. по 26 января 2001 г. (два года и семнадцать дней), производство в городском суде длилось с 29 января 2001 г. по 15 февраля 2006 г. (пять лет и восемнадцать дней), а кассационное производство в Верховном Суде [Российской Федерации] длилось с 16 февраля по 21 ноября 2006 г. (девять месяцев и четыре дня)... [Д]лительность предварительного следствия и кассационного производства не была необоснованной, учитывая сложность дела и необходимость для заявителей изучить материалы дела и подготовиться к слушаниям... [С]амый большой перерыв в судебном производстве имел место...когда городской суд откладывал слушание не менее восьмидесяти восьми раз из-за болезни заявителей, неявки адвокатов по состоянию здоровья или по личным или профессиональным причинам, либо без уважительной причины, или же из-за удаления заявителей и их адвокатов из зала суда за поведение, нарушающее порядок судебного заседания" (пункты 131 - 134 постановления).

Европейский Суд отметил, что "...судебное разбирательство было сложным, учитывая участие в нем семнадцати подсудимых и количество и суть предъявленных им обвинений... [Н]еоднократная неявка адвокатов в суд существенно замедлила ход судопроизводства... [Э]то происходило не по вине государства... [Г]ородской суд правомерно и систематически откладывал слушания по причинам, которые находились вне контроля внутригосударственных органов власти" (пункты 136 - 140 постановления).

Суд заключил, что "...длительность уголовного судопроизводства в настоящем деле нельзя считать необоснованной. Следовательно, в данном отношении нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции допущено не было" (пункт 141 постановления).

Также, ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, заявители жаловались на то, что они в ряде случаев были удалены из зала суда, и что слушание по их делу, проводившееся в следственном изоляторе не было открытым для общественности.

Относительно удаления заявителей из зала суда Суд установил, что "...заявители и/или некоторые из их адвокатов удалялись из зала суда в ряде случаев за то, что они перебивали председательствующего судью или секретаря суда, обращались к городскому суду, используя непристойную брань, и за другое несдержанное поведение... При таких обстоятельствах, удаление заявителей из зала суда было необходимым для поддержания порядка в зале суда, и не умаляло общую справедливость разбирательства по делу заявителей, которых в их отсутствие представляли их адвокаты (пункт 143 постановления).

Что касается жалобы на закрытость разбирательства, проводившегося в следственном изоляторе, то Европейский Суд отметил, что "...предоставленные...материалы по делу убедительно доказывают, что, несмотря на то, что судебное разбирательство было перенесено в следственный изолятор, оно не было закрытым для общественности (пункт 144 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе N 24849/05 "Сергей Зайцев против России" (вынесено и вступило в силу 20 сентября 2016 г.), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с проведением областным судом закрытого заседания по уголовному делу заявителя.

Одновременно отклонены как явно необоснованные жалобы заявителя на чрезмерную продолжительность судебного разбирательства по его делу, на нарушение принципа презумпции невиновности и иных прав заявителя в ходе процесса, а также исключена из списка подлежащих рассмотрению дел жалоба заявителя на несоблюдение пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с чрезмерно длительным содержанием его под стражей ввиду урегулирования властями данного вопроса односторонней декларацией.

Заявитель жаловался на непроведение публичного судебного разбирательства по его уголовному делу в нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что "...решение суда о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании является нарушением справедливого баланса между правом заявителя на проведение публичного разбирательства по уголовному делу, с одной стороны, и иными важными интересами, с другой стороны" (пункт 29 постановления).

Суд установил, что "...[областной] суд не изложил каких-либо причин в обоснование принятого решения о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании... В качестве единственного основания для рассмотрения дела в закрытом судебном заседании Власти сослались на необходимость обеспечения безопасности... [П]роблемы с обеспечением безопасности характерны для многих разбирательств по уголовным делам, однако случаи, когда одно лишь наличие таких проблем является основанием для рассмотрения дела в закрытом судебном заседании, тем не менее, весьма редки... [Н]ациональные судебные органы были обязаны обеспечить охрану и безопасность людей, присутствовавших в зале суда... [С]оответствующие меры должны применяться с учетом обстоятельств конкретного дела и соответствовать принципу необходимости. Органам судебной власти следует тщательным образом рассматривать любые возможные альтернативные меры, которые могут использоваться для обеспечения охраны и безопасности в зале суда и отдавать предпочтение тем из них, которые представляются менее строгими в контексте достижения одной и той же цели. Более того, если суд первой инстанции действительно принял во внимание определенную информацию, такую информацию следовало представить сторонам, в частности, заявителю, чтобы обеспечить открытое обсуждение этого вопроса. Вместе с тем, судом первой инстанции указанные действия предприняты не были" (пункты 30 - 31 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с проведением закрытого слушания по делу заявителя.

Заявитель также жаловался на то, что его заключение под стражу во время предварительного следствия и судебного разбирательства в отсутствие значительных и достаточных оснований являлось нарушением пункта 3 статьи 5 Конвенции.

Власти подтвердили, что содержание заявителя под стражей являлось нарушением пункта 3 статьи 5 Конвенции и указали на свою готовность выплатить заявителю справедливую денежную компенсацию (пункт 14 постановления).

Европейский Суд остался удовлетворен тем, что сумма предложенной компенсации соответствовала суммам, присужденным в подобных делах (пункт 21 постановления).

Суд посчитал целесообразным исключить данную часть жалобы из списка дел, подлежащих рассмотрению, в соответствии с подпунктом "с" пункта 1 статьи 37 Конвенции.

См. также приведенные выше Соображения Комитета по правам человека по делу Жахангир Базаров против Кыргызстана и по делу Вячеслав Бережной против Российской Федерации.

Выдача лица для уголовного преследования
или исполнения приговора

Постановление Европейского Суда по жалобе N 58923/14 "Холмуродов против России" (вынесено 1 марта 2016 г., вступило в силу 4 июля 2016 г.), которым установлено, что исполнение решения УФМС России о депортации заявителя либо его иное принудительное перемещение в Республику Узбекистан (в порядке экстрадиции, депортации или иным способом) будет являться нарушением статьи 3 Конвенции.

Наряду с этим установлено нарушение статьи 13 Конвенции в связи с отсутствием у заявителя эффективных средств правовой защиты от выявленных нарушений.

Заявитель жаловался на то, что отправка его в родную страну, Узбекистан, подвергла бы его обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, по причине обвинений в уголовных правонарушениях, вынесенных в его отношении в этом государстве.

Европейский Суд указал на то, что "...что лица, обвиняемые в Узбекистане в правонарушениях политического и религиозного характера, принадлежат к уязвимой группе, систематически подвергаемой практике жестокого обращения в указанной стране... [Т]акже, если лицо, подлежащее выдворению или экстрадиции в эту страну, может доказать принадлежность к такой группе, он может не доказывать наличие дополнительных особых отличительных признаков, которые выделяли бы лично его, чтобы доказать, что лично он подвергался и продолжает подвергаться опасности" (пункт 64 постановления).

В настоящем деле Суд установил, что "...заявитель обвиняется в Узбекистане, в числе прочего, в посягательстве на конституционный строй, изготовлении и разглашении материалов, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок, а также в создании и управлении экстремистскими религиозными организациями, сепаратистскими, фундаменталистскими и другими запрещенными организациями и в участии в таких организациях... [Э]ти обвинения носят, без сомнения, политический и религиозный характер, что причисляет заявителя к группе особенно уязвимых лиц, подверженных риску жестокого обращения в случае возвращения в Узбекистан" (пункт 65 постановления).

Европейский Суд отметил, что "...дипломатические заверения <60> сами по себе не являются достаточными. Необходимо, чтобы эти заверения предоставляли в своем практическом применении достаточную гарантию, что заявитель действительно будет защищен от риска применения жестокого обращения... [З]аверения, данные органами власти Узбекистана, не предусматривали дипломатических или основанных на участии наблюдателей механизмов, которые позволяли бы обеспечить объективный контроль за их соблюдением" (пункт 66 постановления).

<60> Дипломатические заверения, в соответствии с которыми заявитель не подвергнется бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в своей родной стране.

Суд подчеркнул, что "...одного только существования внутригосударственных норм и ратификации международных соглашений, гарантирующих уважение основных прав человека, недостаточно, чтобы обеспечить соответствующую защиту от риска жестокого обращения, поскольку, как в настоящем деле, достоверные источники подтверждают практику органов власти - или допускаемую ими - явно противоречащую принципам Конвенции" (пункт 67 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что "...высылка заявителя в Узбекистан подвергла бы его реальному риску жестокого обращения, противоречащему статье 3 Конвенции" (пункт 70 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что его жалобы, касающиеся риска ненадлежащего обращения, которому он подвергся бы в случае возвращения в Узбекистан, не были надлежащим образом рассмотрены государственными органами, что, по его словам, нарушало статью 13 Конвенции.

Суд отметил, что "...суды не рассмотрели доводы заявителя, касающиеся риска жестокого обращения, ограничившись обоснованием применения депортации соображениями охраны общественного порядка... [Р]ешение [Управления федеральной миграционной службы России], которым заявителю было предоставлено временное убежище, не содержало ни анализа его личного положения, ни оценки риска, которому он мог быть подвергнут в случае перемещения в Узбекистан, и что оно ограничивалось упоминанием обеспечительной меры, указанной Судом в соответствии с правилом 39 Регламента... [Н]и первая, ни вторая из этих процедур не предоставила заявителю внимательного контроля и тщательного рассмотрения, которых требует статья 13, в том, что касается его заявления, в соответствии с которым он подвергался риску обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, в случае возвращения в Узбекистан" (пункт 77 постановления).

Европейский Суд заключил, что "...[заявитель] не имел эффективного средства правовой защиты по смыслу статьи 13, чтобы отстаивать свою жалобу по статье 3 Конвенции" (пункт 78 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 1 статьи 5 Конвенции, что его содержание под стражей

не является правомерным.

Суд отметил, что "...[прокурор] вынес постановление об избрании меры пресечения в виде заключения заявителя под стражу на два месяца, основываясь на части 2 статьи 466 УПК... [П]остановление N 11 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. <61> действовало во время событий, внутригосударственные суды...явно ссылались на пункт 21 данного постановления, поскольку они подтвердили решение прокурора" (пункт 88 постановления).

<61> Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. N 11 "О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания".

Европейский Суд подчеркнул, что "...[п]остановление [Пленума Верховного Суда Российской Федерации]... уточняет, что, поскольку запрос об экстрадиции сопровождается распоряжением о содержании под стражей, вынесенном иностранным судом, прокурор может, в применение части 2 статьи 466 УПК, вынести решение о помещении этого лица под стражу на срок, не превышающий двух месяцев с момента, когда это лицо было задержано (пункт 89 постановления).

Суд указал на то, что "...[п]остановление [Пленума Верховного Суда Российской Федерации]... уточняет также, что в отсутствие запроса об экстрадиции, распоряжение о помещении под стражу может быть вынесено только российским судом, и что даже после получения запроса об экстрадиции оно может быть продлено только российским судом. Прочтенные совместно пункты 19 и 21 постановления, по-видимому, указывают на то, что толкование, вытекающее из применимого права, заключается в том, что в контексте процедуры экстрадиции прокурор может выносить решение только о первоначальном помещении под стражу и только после получения запроса об экстрадиции - сопровождаемого распоряжением о содержании под стражей, вынесенном иностранным судом; если это последнее условие не выполнено, первоначальное решение о помещении под стражу может быть принято только российским судом, который, кроме того, во всех ситуациях является единственным компетентным судом в вопросе продления такой меры...[В] настоящем деле часть 2 статьи 466 УПК не применялась национальными судами в соответствии с этим порядком" (пункт 90 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что "...[п]остановление [Пленума Верховного Суда Российской Федерации]... не уточняет, как разграничить часть 2 статьи 466 УПК - которая позволяет прокурору вынести постановление о помещении под стражу в целях экстрадиции - и часть 4 статьи 108 этого же кодекса, которая предусматривает, что только российский суд может вынести постановление о применении меры, связанной с лишением свободы" (пункт 91 постановления).

Суд пришел к выводу, что "...лишение свободы, которому подвергся заявитель...не являлось правомерным в смысле пункта 1 статьи 5 Конвенции, в связи с отсутствием правовой основы, которая имела бы требуемые в целях соответствия общему принципу правовой безопасности качества" (пункт 92 постановления).

Заявитель также жаловался, наконец, на то, что он был лишен процедурных гарантий в ходе принятия решения о его депортации, по его мнению, в нарушение статьи 1 Протокола N 7 Конвенции.

Суд подчеркнул, что "...статья 1 протокола N 7 к Конвенции относится явным образом к иностранным гражданам, "на законных основаниях проживающим на территории какого-либо государства"... [Н]ичто в материалах дела не свидетельствует о том, что заявитель правомерно въехал на российскую территорию, чтобы остаться, и что он имел "законно обоснованное ожидание" получить разрешение на пребывание... [И]з материалов дела не следует, что он...имел разрешение на временное пребывание... [З]аявитель имел поддельный паспорт в момент, когда он был задержан российскими органами власти, и...этот факт, в числе прочих, послужил основанием для его последующего осуждения по уголовному делу... [Т]от факт, что заявитель отбывал наказание в виде лишения свободы на территории Российской Федерации на момент принятия постановления о выдворении в его отношении, не делал пребывание заявителя "правомерным" в смысле статьи 1 Протокола N 7 Конвенции" (пункт 97 постановления).

Европейский Суд заключил, что "...данная жалоба несовместима ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения, с положениями Конвенции в значении пункта 3 статьи 35 и подлежит отклонению в соответствии с пунктом 4 статьи 35" (пункт 98 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе N 14348/15 "У.Н. против России" (вынесено 26 июля 2016 г., вступило в силу 28 ноября 2016 г.), которым установлено, что принудительное перемещение заявителя в Кыргызскую Республику (в порядке экстрадиции либо иным способом) будет являться нарушением ст. 3 Конвенции.

Установлено также нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с отсутствием у заявителя

возможности добиться судебного пересмотра постановления районного суда о применении к нему в течение определенного судом срока меры пресечения в виде заключения под стражу в целях экстрадиции, несмотря на имевшие место изменения в обстоятельствах, которые могли повлиять на законность соответствующей меры.

Заявитель жаловался, ссылаясь на статью 3 Конвенции, на то, что в случае его выдачи Кыргызстану он подвергнется пыткам и бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию, потому что он принадлежал к узбекскому этническому меньшинству.

Европейский Суд отметил, что он "...неоднократно изучал ситуацию в отношении этнических узбеков, чьей экстрадиции добивались власти Кыргызстана в связи с рядом тяжких преступлений, которые они, предположительно, совершили в ходе жестоких межэтнических столкновений между киргизами и узбеками в июне 2010 года. В тех делах [Суд] неизменно постановлял, что, учитывая подтвержденное широко распространенное и привычное применение пыток и иного жестокого обращения со стороны правоохранительных органов в южной части Кыргызстана в отношении членов узбекского сообщества, безнаказанность сотрудников правоохранительных органов, а также отсутствие достаточных гарантий для заявителей в соответствующей стране, имелись существенные основания полагать, что заявители столкнутся с реальной угрозой быть подвергнутыми обращению, предусмотренному статьей 3 Конвенции по возвращении в Кыргызстан" (пункт 38 постановления).

Однако Суд подчеркнул, что "...[к]ак и в предыдущих подобных делах, заявитель безуспешно пытался обратить внимание... на вышеупомянутые обстоятельства в ходе производства по экстрадиции и делам беженцев...[О]снование национальных судов по делу заявителя было более подробным...Однако, их доводы, обосновывающие отклонение требований заявителя, уже были рассмотрены Европейским Судом в его предыдущих постановлениях, и он посчитал их недостаточными...Что касается последнего довода, представленного Европейскому Суду, и на основании того факта, что экстрадиции заявителя добивались за обычные уголовные преступления, в совершении некоторых из которых он признался...Европейский Суд может только напомнить, что поведение заявителя - каким бы нежелательным или опасным оно бы не было - не может отменить запрет на жестокое обращение согласно статье 3 Конвенции... [З]аявитель является этническим узбеком, чьей экстрадиции добивались власти Кыргызстана за преступления, совершенные в ходе жестоких столкновений в июне 2010 года...Таким образом, он является членом группы, которая систематически подвергается жестокому обращению" (пункт 39 постановления).

Таким образом, Европейский Суд заключил, что "...принудительное возвращение заявителя в Кыргызстан в форме экстрадиции или иным образом было бы нарушением статьи 3 Конвенции" (пункт 41 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 4 статьи 5 Конвенции, на отсутствие возможности судебного пересмотра законности его содержания под стражей.

Европейский Суд установил, что он "...уже выявлял нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции, когда у заявителя не было возможности добиться судебного пересмотра законности его содержания под стражей в течение фиксированного периода времени, несмотря на изменения в обстоятельствах в течение этого периода времени, которые могли повлиять на законность его содержания под стражей... В настоящем деле, содержание заявителя под стражей было разрешено на фиксированный период - с 16 января 2015 г. по 23 июля 2015 г. Изменившимися обстоятельствами, которые могли повлиять на законность содержания под стражей, были промежуточная мера Европейского Суда 24 марта 2015 г. и вступление в силу решения [о выдаче] 25 марта 2015 г. Соответственно, чуть меньше четырех месяцев, в течение которых заявитель не мог добиться судебного пересмотра законности его содержания под стражей" (пункт 45 постановления).

В отсутствие каких-либо новых доводов или фактов, Европейский Суд постановил, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами ООН, находятся по адресу:
<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>.

Неофициальный перевод текстов постановлений (решений) Европейского Суда по правам человека получен из Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека - заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

Управление систематизации
законодательства и анализа
судебной практики